

Инна Баринская

Детектив
сильных
страстей

Женщина
в голубом

Инна Юрьевна Бачинская
Женщина в голубом
Серия «Бюро случайных
находок», книга 10
Серия «Детектив сильных
страстей. Романы И. Бачинской»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36056247
Женщина в голубом. Роман: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-115898-9*

Аннотация

Когда-то Олег Монахов по прозвищу Монах, называющий себя экстрасенсом и волхвом, был заядлым путешественником, но после автомобильной аварии ему пришлось на неопределенный срок задержаться в городе. Спасают его только частные расследования, который он ведет совместно со своим другом, журналистом Алексеем Добродеевым. Город потрясла серия жестоких преступлений – сначала погиб известный шоумен и организатор конкурсов красоты Яник Ребров, а через пару дней была найдена мертвой его девушка Анфиса. Параллельно с майором полиции Мельником Монах и Добродеев начали собственное следствие и поняли: следы преступлений

ведут в художественную галерею, где все они совсем недавно присутствовали на презентации работ знаменитого американского художника Марка Риттера...

Содержание

Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	55
Глава 6	65
Глава 7	71
Глава 8	76
Глава 9	90
Глава 10	93
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Инна Юрьевна Бачинская

Женщина в голубом

Роман

*...Я подошел, и вот мгновенный,
Как зверь, в меня вцепился страх:
Я встретил голову гиены
На стройных девичьих плечах.
На острой морде кровь налипла,
Глаза зияли пустотой,
И мерзко крался шепот хриплый:
«Ты сам пришел сюда, ты мой!»
Мгновенья страшные бежали,
И наплывала полумгла,
И бледный ужас повторяли
Бесчисленные зеркала.*

Николай Гумилев. «Ужас»

*Все действующие лица и события романа
вымышлены, любое сходство их с реальными
лицами и событиями абсолютно случайно.
Автор*

*** * ***

Все права защищены. Книга или любая ее часть не мо-

жет быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Бачинская И. Ю., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Пролог

*Не знаю почему, но сердце замирает,
Не знаю почему, но вся душа дрожит...*

А. Апухтин. «Предчувствие»

Женщина, нагнувшись, пытаясь разобрать цифры, набрала код и проскользнула в подъезд. Вбежала на третий этаж, невольно оглянулась и прислушалась.

Все было тихо. Дом спал.

Она взглянула на часы, было двенадцать пятьдесят семь.

Позже ей часто снились эти цифры: единица, двойка, пятерка и семерка. Тысяча двести пятьдесят семь...

Почему ночью? Что за нелепые фокусы? Она чувствовала злобу и тоску, ей казалось, что капкан захлопнулся и ей не выскочить. И сны в последнее время снятся...

Сбежать? Все бросить и сбежать? Куда? Некуда бежать.

Чего он хочет? Сказал, поговорить. Дурацкая, нелепая случайность...

О чем? О чем... Разве она не знает, что ему нужно? А что ему нужно было раньше? Что же делать? Что?

Она вдруг осознала, что стоит перед знакомой дверью, не решаясь...

Он сказал, ухмыляясь: «Ключик не потеряла?»

Откуда он знал, что она не посмела выбросить проклятый ключ, что прятала его со всякими безделушками, этот проклятый золотой ключик. Как будто знала...

Она приложила ухо к двери и застыла, прислушиваясь. За дверью было тихо.

Она достала из сумочки ключ и попыталась вставить его в замочную скважину.

Ключ, скрежеща, скользил по замку – она никак не могла попасть в замочную скважину, так дрожали руки.

Как агнец на заклании, всплыла слышанная когда-то фраза. Агнец, заклание, конец...

Он испортил ей жизнь однажды, сейчас он сделает это снова. Капкан захлопнется.

Первый раз ей удалось вырваться, теперь он возьмет свое. Она, дуреха, думала, что вырвалась, но ошиблась. Она помнит свой ужас, когда неожиданно увидела его, помнит, как уставилась на него... Как удав на кролика! Потом мгновенное облегчение – он ее не узнал! А потом он позвонил и сказал...

Он смеялся! И она поняла, что он узнал ее! Узнал с самого начала, но играл, как кот с мышью, издевался, как раньше, как всегда. Даже то, что он заставил ее прийти ночью...

Она опустила руку в сумку и нащупала нож. Вскрикнула, уколотившись, отдернула руку, сунула палец в рот, почувствовав сладковато-соленый вкус крови. Кровь... как предчувствие. Бежать! От него не убежишь...

Ей удалось наконец открыть дверь, и она, снова оглянувшись, вошла.

В прихожей горел свет. Дверь в гостиную была распахнута, и там тоже горел свет.

Ждет гостей!

Она позвала его, но ей никто не ответил. Она остановилась на пороге гостиной, но войти не решилась. Там было пусто. Ей было не по себе. Она снова позвала его, и снова ей никто не ответил. Она шла, вспоминая, где кухня. Возможно, он там.

Дверь в ванную комнату была раскрыта, свет горел и здесь. Она застыла на пороге, закрыв рот рукой, удерживая вопль.

Картина, представшая ее глазам, напоминала фильм ужасов. Мужчина лежал в кровавой ванне – запрокинутая голова, свисающая с края рука, красная лужа на белом коврике...

Она с трудом удержалась на ногах, чувствуя, как наливается чугунной тяжестью затылок, как с пронзительным визгом, причиняя нестерпимую боль, вонзается в виски сверло и меркнет в глазах. Она оперлась рукой о стену, чувствуя, как подкатывает тошнота. Закрыла глаза, пережидая приступ.

Очнувшись, метнулась к выходу, цепляя плечами стены, оступаясь и скользя на паркете; упала, ударившись виском о край тумбочки, и потеряла сознание...

...Она пришла в себя от холода. Она лежала на полу, ее колотил озноб. Из полуоткрытой входной двери тянуло ле-

дяным сквозняком. С трудом она встала на колени и, цепляясь за стену, поднялась.

Потрогала голову, почувствовала боль и отдернула руку.

В квартире по-прежнему было очень тихо и пусто. В тишине вдруг проступил мерный стук капли – где-то далеко капала вода... или кровь?

В сознании ее промелькнула картинка: человек с запрокинутой головой лежит в кровавой воде, торчащая рука, под ней красная лужа. В ушах стучало мерно и страшно...

Женщина выскользнула из квартиры – оглушительно хлопнула дверь, и она, вскрикнув, помчалась вниз...

Глава 1

Неистовость

Все проходит...

*Велением судьбы я ввергнут в мрачный склеп,
Окутан сумраком таинственно-печальным...*

Шарль Бодлер. «Мрак»

Его разбудил какой-то звук. Он открыл глаза – в спальне царил полумрак – и увидел низкий потолок с поперечной трещиной. Перевел взгляд на окно, прикрытое пестрыми шторами, через которые просвечивал неяркий утренний свет. Задержал взгляд на картине на стене напротив кровати – полуголые женщины, опахала из страусовых перьев, черные мальчишки-служки...

Он испытывал растущее чувство оторопи и недоумения. Повернул голову и отпрянул, из горла рванулся хриплый звук, не то ругательство, не то возглас изумления.

Рядом с ним лежала женщина. Он приподнялся на локте, чтобы рассмотреть ее, и застыл, резко втянув воздух, не веря глазам, чувствуя, как мерзким комом подступает к горлу дурнота.

Она лежала неподвижно, полуотвернувшись, с разбросанными в стороны руками, небрежно прикрытая, а вокруг – на

подушке, простыне, брошенном полотенце – везде! – страшно краснели пятна...

Он сразу понял, что это кровь. Сел рывком, отодвинувшись на край кровати, не в силах отвести взгляд от ее тела, все еще не веря...

С ужасом заметил нож, полускрытый простыней, – в глаза бросилась прозрачная наборная из разноцветного пластика рукоятка. У него был такой же, с пружиной, подарок приятеля-сидельца; по молодости он иногда таскал его с собой, больше для понтов.

Он протянул руку, чтобы взять нож, но не решился, и рука застыла на полпути. Долгую минуту он тупо сидел с протянутой рукой; голова была тяжелой, в затылке и висках страшно и тяжело бил молот.

В нос вдругшибанул сладкий, приторный запах крови, и едва он успел вскочить, как его стошнило. Мерзкая вонючая масса исторгалась наружу с кашлем и рычанием, из глаз лились слезы, и боль раздирала горло и грудь.

Закрыв глаза, держась за спинку кровати, он приходил в себя. Сердце било набатом, и ему казалось, что от ударов сотрясаются стены незнакомой и чужой комнаты.

Он охнул от внезапного резкого сигнала мобильного телефона, испытав страх почти животный. Серебристый аппаратик лежал на полу у комода, вереща и мигая, словно чей-то подсматривающий взгляд.

Мужчина смотрел бессмысленно и не шевелился. Потом

взглянул на лежащую в кровати женщину, словно надеясь, что она проснется.

У него мелькнула мысль: кто звонит ей в такую рань? Или будильник? Мелькнула и тут же исчезла.

Он наткнулся взглядом на окровавленные тряпки, снова схватился за спинку кровати и закрыл глаза, переживая вновь накатившую тошноту.

Телефон наконец заткнулся, и наступила жуткая тишина.

Он поспешно подобрал с пола одежду и на ватных ногах пошел из спальни. Не взглянув на женщину.

Она была ему незнакома. Спальня была чужой. Запахи жилья были чужими. Небогатая мебель, скрипящие половицы, пестрые шторы – все было чужим.

Он поспешно оделся и подошел к окну, пытаясь понять, где находится. Чужой двор был пуст, на лавочке у подъезда никто не сидел. Он прислушался – ему показалось, он слышит голоса. За стеной действительно бубнили голоса, не то жильцы, не то телевизор.

Он достал из кармана мобильный телефон, часы показывали десять минут седьмого. Нужно немедленно убираться! Еще немного, и народ потянется на работу.

Он почти не помнил, как попал сюда, не помнил, был ли на машине. Нет! Они приехали на такси! Да, на такси.

Вчерашний вечер, минуту назад стертый из памяти, возвращался кусками. Он опять перебрал и... сорвался? Ему нельзя пить. А кто... эта? Он был уверен, что никогда рань-

ше ее не видел... Откуда она взялась?

Память возвращалась рывками. Он увидел картинку – высокая девушка с длинными светлыми волосами пытается выдернуть каблук из щели люка и взмахивает руками, чтобы не упасть.

Лица ее он вспомнить не мог. Только длинные светлые волосы. И голос. Она что-то сказала... кажется, чертыхнулась. Увидела его и попросила помочь...

Такая глупость, сказала, прямо капкан, не дай бог, сломался каблук!

Низкий, негромкий голос... Он не терпел женщин с фальшивыми детскими голосами.

Красивая. Так ему показалось.

У него мелькнула мысль, что надо бы вернуться и рассмотреть ее хорошенько или проверить документы, чтобы узнать, как ее зовут...

Может, она живая... Живая?

Он сделал шаг по направлению к спальне и остановился, вспомнив неподвижное тело, кровь...

«Убирайся», – приказал себе. Пока не вернулся... не вернулись... кто там с ней живет? Подруга? Тот, кто звонил? Пошел вон!

Он осторожно открыл входную дверь и прислушался.

На лестничной площадке было тихо. Через тусклое окно наверху пробивался неверный свет.

Он ступил через порог, осторожно закрыл за собой дверь

и скатился вниз. Выскочил из подъезда и зашагал со двора под прицелами воображаемых враждебных взглядов, которые ощущал шкурой.

Он прошел несколько кварталов, никем не остановленный, не привлекая ничего внимания.

Улица была ему незнакома – обычный спальный район. Народу было немного, и был он опухший и заспанный.

Он подумал, что ничем не выделяется, такой же опухший и несвежий, несмотря на дорогой костюм. Он попытался отряхнуть пиджак, только сейчас заметив пыль на рукаве, и увидел, что руки испачканы красным.

Потрясенный, он поднес их к глазам, не желая верить, надеясь, что ему кажется. Преодолевая приступ паники, он стоял на нетвердых ногах, держа перед лицом испачканные ладони, чувствуя тошнотворный запах крови, задерживая дыхание, чтобы прекратить спазмы в желудке.

Почти без сил он упал на скамейку в каком-то жалком сквере. Достал телефон, набрал номер.

Там откликнулись сразу.

– Роб, у меня проблемы, – с трудом выговорил он.

– Ты? Что случилось? Ты где?

– Не знаю. Улица Космонавтов, тут какие-то ремонтные мастерские...

– Космонавтов? – удивился тот, кого называли Робом. – Как тебя туда занесло? Это же пригород! Что случилось?

– Роб, мне нужна помощь, – перебил он. – Можешь при-

ехать? Я не хочу вызывать тачку. Тут сквер с фонтаном, рядом дом пятнадцать. Жду.

...— Я ничего не помню! — Носовым платком, намоченным в грязной воде бассейна, он снова и снова тер ладони, пытаясь оттереть кровь. — Я не помню, как мы добрались до ее дома, я не помню, как ее зовут... Помню только, что бармен вызвал такси, мы сели, и она сказала адрес. Проснулся утром, а она рядом в крови...

Они сидели в машине Роба.

— Подожди, что значит в крови? Ты ее избил? Или... что?

— Не знаю! — в отчаянии выкрикнул мужчина. — Не помню. Я перебрал вчера и, наверное, сорвался...

— Подожди. Ты видел нож или... что-нибудь? Может, она живая! Кто она такая?

— Не знаю! — В голосе мужчины звучало отчаяние. — Там был нож... кажется... Не знаю! Кажется, был... Я сразу ушел. Она была вся в крови и не шевелилась. Я даже не помню, как ее зовут!

— Давай вернемся, посмотрим, может, ничего страшного...

— Нет!

— Ладно. Я отвезу тебя домой, вернусь и посмотрю сам. Приведи себя в порядок. Я позвоню. Дверь заперта?

— Нет. Не знаю... Я просто прикрыл. Не помню... Что ты собираешься делать? — Они смотрели друг на друга. — Нас видели в баре, какие-то ее знакомые, и бармен ее знает. Она

заговорила со мной на улице, у нее каблук застрял, я помог, и мы зашли в бар... там рядом. Мы пили коньяк и шампанское. Если она... если я ее...

– Давай без истерики, в случае чего мы были вместе, понял? Я все сделаю и сразу позвоню. Номер дома и квартиру помнишь? И приведи себя в порядок, – повторил.

...Он отпер дверь, почувствовав мимолетное облегчение – ключ и портмоне были на месте.

Квартира встретила его гулкой тишиной. Уже неделю он был один, Лена после очередного скандала уехала к матери.

Прямо в прихожей он стянул с себя одежду и сунул в пластиковую торбу, лежавшую на тумбе; отшвырнул торбу к двери, чтобы не забыть выбросить.

Босой, нагишом он отправился в кухню. Распахнул холодильник и достал бутылку водки. Стал пить, давясь и обливаясь, избавляясь от липкого страха. Мгновенно опьянел и побрел в ванную...

До вечера он пробыл в бессознательном тяжелом забытии, между сном и явью; открывая иногда глаза, он видел над собой покачивающийся потолок. В желудке начинала царапаться голодная кошка, и он закрывал глаза.

Мысли были короткие, отрывочные, сквозь них как заклипания прорывались отдельные слова и фразы: сорвался, сошел с ума, попался на крючок, Пашка отмазал, опять...

В случае чего... что делать? Снова лечиться? Жрать сладковатые розовые таблетки, от которых выворачивает на-

изнанку? Или чего похуже? Второй раз не сойдет с рук...

Роб позвонил поздно ночью.

– Спишь? – спросил.

– Что, – выдохнул он, – говори!

– Все в порядке. Ты был у меня со вчерашнего вечера. Перепили, и ты остался ночевать. Утром я отвез тебя домой.

– А... – начал было он и запнулся.

– Все в порядке, – повторил Роб. – Слышишь? Выдохни. Вольно. Потом расскажу. Устал. Спокойной ночи.

Только сейчас он перевел дух и почувствовал, что голоден. Нашел в холодильнике мясо и сыр, достал из хлебницы черствый хлеб. Стал жадно глотать, не жуя, чувствуя, как отпускает внутри туго сжатая пружина и накатывает полуобморочное ощущение эйфории.

Роб все сделал. Роб надежный друг. Они вместе с детства, он не подведет.

Он поднял с пола пустую бутылку, потряс, «выжал» пару капель и чертыхнулся.

Ленка уничтожила все запасы, дрянь! Вылила в раковину. Воспитывает.

Он сжал кулаки: убить мало! Вспомнил, что в прикроватной тумбочке, кажется, есть что-то. Коньяк!

Снова пил торопливо, обливаясь и захлебываясь. Потом свалился в кровать и уснул мертвецким сном...

Глава 2

О богах и героях

*Небыющая игрушка полезна для того, чтобы
разбивать ею другие.*
Закон Ван Роя

– Суаре... Какое к черту суаре? Опять я поддался на твои репортерские заморочки! Что это такое, кстати? – недовольно спрашивал Олег Монахов своего друга журналиста Лешу Добродеева, недовольно же озираясь.

– Баранья нога! – отвечал Леша Добродеев, журналист самого популярного в городе печатного издания «Вечерняя лошадь», он же Лео Глюк.

Золотое перо отечественной журналистики, оно же бессовестное и привирающее, но кого интересует истина? И кто скажет, что такое истина?

Философы и другие ученые, даже физики с математиками, плавают в определении, прикрываясь всякими «если», «при условии» и «в случае». Из чего можно заключить, что безусловной истины не существует в природе. Аномалия. Разве что на уровне «дважды два четыре», а копни глубже – полная неясность и мрак!

Так что можно быть хорошим журналистом и при этом врать. Более того, вранье приветствуется, потому что вранье

всегда интереснее голого факта. И опять-таки, вранье или фантазия?

Алеша Добродеев скорее фантазер, витающий в своих фантазиях, и что примечательно, он в них верит! Как у всякого журналиста, у него есть несколько «горячих» и любимых тем, таких, что, разбуди ночью, оттарабанит как по писаному: многоярусные подземные ходы в районе Елецкого монастыря и зарытые там клады, призраки зловещих Антониевых пещер, где он лично своими глазами видел бестелесного монаха и слышал леденящие кровь в жилах стоны, страшные преступления, загадочные убийства, а также всякие местные культурные события и сплетни. Еще летающие тарелки.

Любимое хобби, оно же маленькая слабость – страсть к публичным выступлениям, как то: открытие выставок, вернисажей, ярмарок, приветственные речи для иностранных гостей и местных юбиляров, встречи с поклонниками и продажа собственной книжки об истории города с подробным пересказом до полного выноса мозга и дарственными надписями всем желающим.

Хлебом не корми, дай... как это сейчас говорят? Попиариться! Во-во.

Леша Добродеев неутомим и подвижен, несмотря на внушительные размеры, оптимистичен и готов бежать куда угодно по первому зову. В отличие от Олега Монахова, Монаха для своих, друга и соратника, который часто мрачен, задумчив и недоволен отсутствием жизненного перца, интересных

событий, количеством дураков в жизненном пространстве и часто впадает в хандру. В состоянии хандры он весь день лежит на диване, рассматривает потолок, думает и вспоминает, как он, эх, было время, каждую весну собирал неподъемный рюкзак, бросал жен и друзей и летел в пампасы, в Сибирь, в Непал, в Индию или на Алтай, задумчиво ходил бо-сиком в благостных храмах с курящимися благовониями, ночевал в бедных лоджиях или жил в монастырях у улыбочивых безмятежных лам, убирал и рубил дрова, а по утрам любовался цветущими олеандрами на фоне заснеженных горных вершин и думал о вечности. Или подолгу сидел, набросив на плечи плед, у костра на берегу быстрого и холодного ручья, помешивая кипящую в казанке уху из выловленной собственноручно рыбешки, пробовал, добавлял соли, лаврового листа и перца. Слушал, как пошумливают верхушки столетних кедров, и думал о вечности. А потом засыпал сном праведника в палатке, и снились ему прекрасные сны, и он улыбался во сне, правда, наутро ничего не помнил. И ни Интернета тебе, ни телефона, ни автомобилей, ни соседей, ни женского визга – одна первозданность, а из плодов цивилизации всего-навсего несколько упаковок таблеток, навязанных Анжеликой Шумейко, супругой друга детства Жорика, которая всякий раз провожала его со слезами и не чаяла увидеть снова.

Анжелика хорошая женщина, но заполошная: чуть что – сразу в крик, но при этом оптимистка и добродушная пофи-

гистка. Так что Жорику, можно сказать, повезло, плюс трое детишек: девчонки Марка и Куся и Монахов крестник маленький Олежка.

Монах лежит на диване, смотрит в потолок, вспоминает. Бродит мысленно по Сибири, один или с бродягами, беглым криминалом, браконьерами всех мастей, находя общий язык с самыми одиозными представителями человеческого отребья. Собирает целебные корни, грибы, ягоды и травы. А также рецепты народных и шаманских снадобий, заговоров и приговоров. Живет в палатке или под развесистой елкой, купается в проруби.

Однажды, потеряв тропу, он зимовал в землянке между небом и землей. Всяко было, и приятно вспомнить по возвращении в цивилизацию. И кровоточащие десны, и голод, выгрызающий кишки, и видения ангелов и дьяволов, манящих куда-то, и понимание, что все, амба! Приехали. И тут же неизвестно, откуда берущееся мощное, как ослепительный взрыв, звериное рычащее желание жить. Включающийся резерв, испытать который дано не всякому. Да и не всякий способен. Назовите это как хотите: адреналин, воля к жизни, драйв, химия, космическое второе дыхание, страсть, рык...

Кто пережил, запомнит и пересмотрит взгляды на жизнь в сторону оптимизма, а всякие жизненные ухабы и невзгоды покажутся ему сущим пустяком, уж поверьте.

Был Монах женат три раза на интересных, умных, добрых женщинах, но всякий раз наступал момент, когда он стас-

кивал с антресолей неподъемный рюкзак, и прости-прощай! Иногда пропадал на пару лет, а то и поболее. Возвращался задубевший, заросший, обветренный, отвыкший от цивилизации и полдня отмокал в ванне у гостеприимных Жорика и Анжелики, поливая себя шампунями и гелями, потому что брошенная жена на тот момент была замужем за другим.

Она бы с радостью вернулась, только позови, но Монах не звал. Он любил начинать сначала. Жизнь, работу, любовь.

Работа! Любимый препод в политехническом университете, восхищение студентов, готовая докторская, не сегодня-завтра защита – и вдруг все рухнуло в одночасье.

Рецидив утомления от цивилизации, острая фаза. Докторская побоку, что тем не менее не мешает Монаху рекомендоваться доктором физико-математических.

Маленькая человеческая слабость, кто из нас без греха?

Он стащил с антресолей рюкзак и...

Дальше по накатанной. Какая, к черту, докторская, если бес странствий толкает под локоть и посылает сны с картинками быстрой говорливой речки, столетними кедрами, цветущими олеандрами и заснеженными горными вершинами. Просыпаешься утром, а в груди тоска, и «глаза б мои не видели» ни толпы, ни вонючих механизмов на дорогах, ни соседа, уснувшего в лифте. А взять академические склоки? Лучше и не брать. Ребята, правда, хорошие, неглупые, понимающие. Куда потом это все девается, и на место чистого юношеского идеализма и горения приходит приземленность и погрязание

в быте? Идиотские риторические вопросы, на которые много разношерстных ответов, но ни одного в формате «да-нет».

Приятно вспомнить посиделки под пиво в припортовом баре, треп о политике, судьбах мира, смыслах, споры с косноязычными работягами-докерами. Да-да в паршивой вонючей забегаловке в речном порту, а не в понтовом кафе где-нибудь в центре. Страсть к истокам и низам, так сказать.

Монах ностальгически вздыхает и трогает шрам под ключицей.

Да, да, и драки тоже! Вот ведь как получается – здесь думаешь про костерок у быстрой речки и «гори оно все пропадом», а там вспоминаешь...

А вот теперь подробнее, пожалуйста! Что вспоминает человек на берегу быстрой речки в полном уединении, без единой человеческой души на сотни км?

Деревья, звезды над головой, уха булькает, кто-то любопытный шуршит в кустах...

А? Как-то и вспомнить особо нечего. Не потому, что забылось, а потому что потерял интерес.

Неинтересно стало. Все неинтересно. Коллеги неинтересны. Кафедральные свары, даже драки в припортовом кабаке с претенциозным названием «Ностальгия»...

Ностальгия! Седло на корове.

В этом месте Монах всегда ухмыляется – грязноватая, воняющая разлитым пивом, затянутая сизым папиросным дымом шумная забегаловка, работяги в грязных робах, хрип-

лые голоса и ненормативная лексика...

Романтика! Нет, драки можно вспомнить, очень даже. Драки вспоминаются с... ностальгией! Как упоенно они дрались! Вечный антагонизм, высокомерные ухмыляющиеся интеллектуалы против простых матерящихся работяг, а выпустив пар, мирились, утирали кровь и сопли и жадно приникали к литровым кружкам.

Эх, хорошо было! Это, пожалуй, можно вспомнить, это всегда интересно, типа, были и мы рысаками. А что еще? Любовь, ладно, тоже можно. Первая женщина... Черт! Кто? Как звали?

Монах копается в памяти, но, увы! Ушло, кануло...

Свадьба? В первый раз по неопытности, с толпой гостей с той стороны – а как же, а что люди скажут! Крики «горько», стриптиз-поцелуи, нетрезвые гости, звяканье стекла и пение частушек...

Помнится же всякая лажа. Ладно, что еще? Как под пиво разрабатывали с Жориком план умыкания ценной картины с виллы нуворишей, во всех деталях, ночью, со спорами и прикидками, стараясь предусмотреть всякие неожиданности, получая кайф от процесса, почти забыв о результате.

Еще – как в детстве мчались с Жориком на моторке отца, поднимая волну и вызывая проклятия рыбаков на берегу, и орал им: «Не давай зажирать!»

Вот и получается: детство, дружба, драки, треп за жизнь и немножко любовь. Творчество и риск.

Кстати, о грабеже. Грабеж прошел безукоризненно с технической стороны, но потерпел фиаско с общеобразовательной и культурной.

Учите матчасть, одним словом. Но все равно, это было дерзко и прекрасно!¹

Сейчас он на такое не способен, увы. Не в смысле хапнуть, что плохо лежит, а придумать такой прекрасный план и предусмотреть всякие мелкие детали. А драйв! Он до сих пор помнит ощущение опасности, мурашек по спине и восторг... Эх!

Время разбрасывать и время собирать, как говорится. Жизнь неторопливо тащится на наезженной колее, все нормально, никакого драйва – да и кому он нужен, – и ничего не предвещает, так сказать, но в один прекрасный момент появляются вдруг поволока и тоска в глазах Монаха, и смотрит он вдаль и отвечает невпопад.

Анжелика только руками всплескивает и горестно повторяет: «Опять? Вожжа под хвост? Сейчас сбежит! Жорик, скажи ему!»

«А чего я? Я ничего! – отвечает друг Жорик. – Я говорил, но ты же его знаешь!»

И добрая самаритянка Анжелика мчится в аптеку и закупает таблетки, раскладывает их в пакетики и надписывает: «от головы», «от температуры», «от горла и живота»...

¹ Подробнее читайте об этом в романе Инны Бачинской «Ошибка бога времени».

Монах толст, дружелюбен и полон снисходительного любопытства к человечеству. Когда он, прищурясь, рассматривает вас, вам немедленно хочется выложить ему сокровенное и признаться в совершенной пакости. А почему? Потому что он волхв.

Да, именно! Монах совершенно искренне считает себя волхвом. Не смейтесь!

Жорик тоже смеялся, а потом понял, что есть что-то. Есть! Анжелика приняла это что-то сразу. Добродеев, несмотря на шашни с пещерами и призраками, долго сопротивлялся, но в конце концов признал, что, да, ладно, возможно... черт его знает и «как ты это делаешь»? Тут и чтение мыслей, и выявление тайных желаний и вранья, и предчувствия, и просчитывание вариантов с всегдашним попаданием в десятку.

Было время, Монах практиковал как целитель и экстрасенс, и народ тянулся к нему и верил. А потом ему надоело и он бросил.

Рано или поздно он все бросает и улетает, как перелетная птица.

Увы, увы. Все в прошлом. Монастыри, заснеженные вершины, булькающая речка и размышления о смыслах.

Примерно год назад на Монаха наехал какой-то козел с купленными правами, причем на зебре, в результате у него была сломана нога, а потому прощайте, пампасы, и здравствуйте, депрессия и ипохондрия.

Уж как ни пытался записной оптимист Леша Добродеев, воробьем прыгающий по жизни, развеселить друга всякими дурацкими историями и городскими сплетнями, как ни пытался вытаскивать его на разные фестивали, карнавалы и мероприятия в честь знаменательных дат, Монах уперто не поддавался, а если все-таки поддавался, то все время ныл и жаловался.

Тем более вместо растянутой футболки и удобных китайских тапочек приходилось надевать костюм, бабочку и жмущие туфли и подравнивать бороду.

Леша даже подарил ему красивую трость с серебряным набалдашником в виде собачьей головы. Монах трость принял и собачью голову внимательно рассмотрел, но настроенная она ему не подняла, даже наоборот, дала понять, что теперь он жалкий никому не нужный обезноженный калека с костылем.

Куда делся энергичный, деятельный, предприимчивый Монах с жизненным кредо: «Гни свою линию», в смысле: «Пусть пляшут под твою дудку» или: «Бери быка за рога». Куда? Был да весь сплыл. Все в прошлом. Пережито, забыто, характер портится и, главное, растет живот.

Но всегда есть лучик надежды на то, что проснется интерес к жизни, что произойдет в городе страшное событие и полиция окажется в тупике, и Леша Добродеев, который всегда в курсе, скажет: «Христофорыч, это для твоих серых клеточек, а *эти*, как всегда, в тупике».

Монах непременно махнет рукой: куда, мол, мне, но глазки вспыхнут.

Они и познакомились, между прочим, раскручивая дело об убийстве девушек по вызову и путаясь под ногами у следствия².

Дела давно минувших лет...

Нет, ну была еще парочка дел, интересных для математика и психолога. Была. А сейчас тишина, полный штиль и депрессия.

Добродеев, у которого душа болит за Монаха, орломчится на место преступления, как только слышит, но всякий раз оказывается обычный мордобой и бытовуха, и *органы* могут справиться самостоятельно...

² Подробнее читайте об этом в романе Инны Бачинской «Маятник судьбы».

Глава 3

Красивая жизнь богемы

*Я презираю спокойно, грустно,
светло и строго
Людей бездарных: отсталых, плоских,
темно-упрямых.*

Игорь Северянин. «Рядовые люди»

В данный момент Монах и Добродеев присутствуют на открытии ежегодного художественного вернисажа «Ветка падуба», детище мецената и владельца художественной галереи, спонсора и «проталкивателя» молодых беззащитных талантов Артура Ондрика.

Несколько раскрученных имен, много новых, и обязательно изюминка – полотно кого-нибудь суперизвестного, из личной коллекции, приобретенное за баснословные деньги, о чем упоминается невзначай.

При чем, спросит читатель, падуб к нашим широтам, тем более дело не под Рождество, а осенью, откуда подобная претенциозность?

У тех, кто знаком с Артуром Ондриком, подобных вопросов не возникает. Артур – меценат, как уже было упомянуто, и художник в душе со своим особым видением, а также доб-

рый самаритянин, безвозмездно помогающий молодым талантам. Одним словом, человек незаурядный и полный всяческих добродетелей. Не без мелких слабостей, конечно.

Артур, как и Леша Добродеев, да и любой околобогемный персонаж, любит покрасоваться, выпятить собственные достоинства, подчеркнуть собственную значимость, повторяя при этом: «Ну, что вы, я самый обыкновенный скромный человек, к чему эти излишества и на моем месте любой... точно так же!»

Ну, есть в нем это, есть. Маленькая человеческая слабость, причем не самая худшая.

...– Баранья нога! – сказал Леша Добродеев.

– Суаре – это баранья нога? Ты уверен? – усомнился Монах.

– Некий персонаж «Пиквикского клуба» спросил, что такое *суаре*, и ему объяснили, что это вечер с бараньей ногой. Он очень удивился: никогда не слышал, говорит, чтобы баранья нога называлась «суаре». – Леша Добродеев хихикнул, но на лице Монаха не дрогнул ни один мускул. Он не читал Диккенса, считая его многословным, а юмор несмешным, как и английский юмор вообще. – Ладно, тогда пусть будет прием, – разочарованно сказал Леша. – Просто прием или раут. Без бараньей ноги, но с шампанским и канапе. При чем для городского бомонда.

Журналист несколько тщеславен, правда, никогда в этом не признается.

– Терпеть не могу бомонд, – проворчал Монах. – Одни понты и выпендреж. Падуб! – Он фыркнул. – Лично я либерал, демократ и разночинец. И вообще, какого черта я здесь делаю? Шампанское терпеть не могу, пива нет. Канапе... тьфу! Куда ты меня привел?

– Я привел тебя посмотреть на людей и на картины, а то ты вконец одичал. Артур прикупил две новые картины американского авангардиста Марка Риттера, нашего земляка, между прочим. Его вывезли из страны еще ребенком. Он умер три года назад в возрасте девяноста лет. Есть вещи, которые нужно знать. Одна картина называется «Любовь и вечность»...

– Скелет с красной розой? – предположил Монах.

– Нет. Женщина в голубом тумане, в полутонах, символ надежды и обещание. С оранжевыми кругами и углами. Очень атмосферно, между прочим. Артур страшно гордится, правда, супруга закатила ему скандал, приревновала, решила, что она похожа на его первую любовь. Кстати, тоже интересная история! – Леша хихикнул. – Они то сходятся, то расходятся...

– Атмосферно! – фыркнул Монах. – Небось денег жалко, какая, к черту, ревность. Сколько?

– Двести штук зеленых.

– Сколько?!

– Это искусство, оно бесценно, – менторским тоном заявил Добродеев. – Я дал материалац в «Лошади», помнишь?

А вторая – речной пейзаж, то, что запомнил ребенок, – маяк на обрыве, мост...

Монах дернул плечом и не ответил.

Живопись интересовала его постольку-поскольку, даже меньше, так как всякий раз при взгляде на картину он вспоминал, как они с Жориком Шумейко, поиздержавшись и сидя на мели, «брали хату» с целью умыкнуть некое полотно девятнадцатого века.

Картина оказалась подделкой, и у Монаха при воспоминании о неудаче загорались уши и портилось настроение.

Впрочем, читатель об этом уже знает. Теперь, когда вокруг висели по стенам несколько десятков картин, настроение Монаха стремительно летело вниз. Пессимизма добавляло то, что он как последний лох позволил графоману из «Старой клячи» надеть на себя ненавистную бабочку и затащить на чертов вернисаж.

«Там приличное общество, лучшие люди города, художники и актеры, интеллектуальная и бизнес-элита, – зудел Добродеев, – без бабочки никак, надо соответствовать!»

Хотя, если честно, ворчал Монах исключительно для виду, прекрасно понимая, что время от времени нужно делать над собой усилия, давать пинка и подниматься с безразмерного дивана, а то вконец одичаешь и потеряешь социальные навыки. И бабочка тоже усилие, победа над собой – ведь не силой же Добродеев надевал ее на шею Монаху. Тем более под бородой ее все равно не видно.

Кстати, Монах еще и дипломированный психолог – случился как-то порыв разобраться в себе и окружающих, наклеить ярлыки и просчитать поведенческие алгоритмы, и он занялся психологией.

В итоге понял, что эту науку может вполне заменить богатый жизненный опыт, кругозор и клепка в голове. Потом увлекся экстрасенсорикой и целительством, затем все бросил.

– Что он за персонаж? – спросил Монах, наблюдая передвижения мецената и хозяина галереи по залу.

– Артур? Ну, как тебе... – замялся Добродеев. – Начинал как архитектор и дизайнер, поднялся на строительстве замков для нуворишей, знаешь, такие, с башнями, флюгерами, красной черепицей. Ходили слухи, – Добродеев понизил голос, – что он крутит с левыми стройматериалами, а разницу кладет себе в карман. Но ему простится, он много делает для начинающих художников. Галерея досталась ему за копейки, это бывший конференц-зал Дома профсоюзов. Ну, конечно, вложил прилично. Сейчас приторговывает картинами. Гибкий, непотопляемый, проскочит между каплями...

– Какой-то он... – Монах запнулся в поисках слова. – Какой-то он лакированный! Так и сверкает, как ходячая реклама. Картинами он торгует... тоже мне бизнес!

– Все мы ходячие рекламы. Чего-нибудь выпьешь? – спросил Добродеев, не подозревая о тягостных воспоминаниях

приятеля, навеянных картинами.

– Шампунь? – с отвращением сказал Монах.

– У меня тут знакомый бармен, сейчас сбегая, спрошу вискарика, будешь?

– Буду, – Монах хмыкнул, представляя себе бегущего журналиста. – Вискарик буду. Возьми тару побольше.

Он наблюдал, как крупный и внушительный... Да что там и к чему это кокетство и эвфемизмы! Скажем прямо: толстый! Крупный, внушительный и толстый Добродеев, властно раздвигая толпу, направляется к стойке бара, где крутился тонкий и гибкий малый, похожий на молодую щучку и вкупе на актера Адриена Броуди.

...– Где она? – спросил Монах, когда они со стаканами виски протолкались к картине американского авангардиста.

– Да вот же! – воскликнул Добродеев, взмахивая рукой. – В белой раме.

– Где женщина? – повторил Монах. – Не вижу! Где она?

– В каком смысле?

– В смысле лица, рук, бюста... и вообще, – пояснил Монах. – Не вижу. Туман вижу, синие и оранжевые круги вижу, женщину не вижу.

– Ты слишком прямолинеен, искусство – не фотография, а творчество, ты просто не готов! – Добродеев попытался отодвинуть Монаха от картины, но тот уперся.

– Я не готов? – Монах допил виски. – Я готов и хочу женщину! Только не надо заливать, что он так видит. Этот... как

его? – Монах нагнулся над табличкой. – Марк Риттер! Пой-ка! – Монах вдруг замолчал, раздумывая. – Он умер в девяносто, а картина написана десять лет назад, получается ему тогда было под восемьдесят... Восемьдесят! Это объясняет туман, круги перед глазами и отсутствие женщины!

– Христофорыч, ты не прав! – Добродеев оглянулся, прикидывая, как оттеснить Монаха от прислушивающейся толпы. Ему было стыдно за друга. – Это авангард, это не для всех!

– Леша? Леша Добродеев? – раздалось у них над ухом. – Рад, рад! Любуется моей женщиной?

– Артур? – радостно изумился Добродеев, как будто присутствие организатора выставки у главной картины такое уж невиданное дело.

Мужчины обнялись и троекратно облобызались. Монах наблюдал с живейшим интересом.

– Мой друг, профессор Монахов. Мой друг Артур Он-дрик, меценат и галерейщик, – представил их Добродеев.

– Весьма! – Монах щелкнул каблуками.

– Польщен, – сказал Артур. – Как вам моя женщина?

– Честно? – сказал Монах, почесав под бородой.

– Это замечательно! – затрепетал Добродеев, пытаясь заслонить собой Монаха. Но заслонить Монаха еще никому не удавалось. – Ничего подобного не видел, поздравляю, веха в исторической перспективе развития города... – зачастил Добродеев, но Артур перебил его, с интересом разглядывая

Монаха:

– Честно!

– Я потрясен! – Монах закатил глаза. – Никогда ничего подобного! Он ваш родственник?

– Кто? – опешил Артур.

– Марк Риттер! Очень *атмосферно* и тонко! Зритель накладывает свое личное видение на его видение, и в итоге все видят совершенно разные вещи. Очень концептуально.

– Именно! Вы удивительно точно ухватили суть, господин Монахов. Леша сказал, вы профессор. Дайте угадаю. Философия?

– Математика, – влез Добродеев. – И психология.

– Леша всегда меня хвалит, – укоризненно попенял Монах. – Можно Олег, без официоза.

– Психология и математика! – воскликнул Артур. – Удивительное сочетание. Не все понимают, а я, когда увидел... не поверите! Кроме того, наш земляк. Все на его личном сайте. Биография, взгляды, творчество. Марка вывезли из страны еще ребенком, но всю жизнь он помнил родину, и его картины – отголоски детской памяти. Все это проступает еще отчетливее на втором полотне, тут вообще все размыто, словно в тумане, но узнать можно. Река, луг за рекой...

Добродеев кивал, внимая. На физиономии Монаха читался вопрос: каким боком авангардная женщина к детской памяти? Уж скорее погремушка или самокат. Кормилица с бюстом, на худой конец. Пейзаж – ладно, сюда можно приле-

пить любой ярлык: сны, мечты, воспоминания...

– Какие люди! – вскричал громкий мужской голос у них над ухом. – Артур! Леша Добродеев! А это... – Мужчина повернулся к Монаху: – Неужели господин Монахов? Сколько лет, сколько зим! Вы как, по делу или как любитель? Интересуетесь живописью? Насколько я помню, вы частный детектив? Надеюсь, картинки чистые? Или краденые? – Мужчина радостно заржал, давая понять, что шутит. Было видно, что он с трудом держится на ногах.

– Не смешно, – холодно сказал Артур после небольшой заминки. – Все бумаги в порядке.

– Господин Речицкий? – Монах пожал протянутую руку. – До сих пор помню ваше нефilterованное пиво. Как бизнес?

– Пиво! Эка хватился! У меня теперь конезавод в Сиднее, приезжай, покажу. Приглашаю всех. Завтра же. И журналюга пусть приезжает, из «Лошади»! И ты! – Он хлопнул по плечу Артура и захохотал.

– Я занят! – холодно сказал Артур.

– Спасибо! Давно хотел написать о лошадях, – обрадовался Добродеев. – Мы приедем.

– Жду. А лошадей твой гений не рисовал? Мне бы для кабинета картинку.

– Эта подойдет, – сказал Монах, кивая на «Женщину». – При некоторой доле воображения на ней можно увидеть голубую лошадь.

Речицкий снова расхохотался и схватил Артура за рукав:

– Может, продашь? Сколько?

– Не продается, – процедил сквозь зубы Артур, отдирая от себя руку Речицкого.

– Ну и зря. А пейзажик? Хотя нет, пейзаж мне и даром не нужен. Что пьем? Вискарик? Зачетно! Пошли, я угощаю! – Он приобнял Добродеева, увлекая его к бару.

– Вы частный детектив? – Артур повернулся к Монаху. – Это правда?

– Громко сказано, – заскромничал Монах. – От нечего делать, люблю решать задачки и головоломки.

– Официально?

– В смысле, есть ли у меня лицензия? Лицензии нет, просто помогаю иногда... знакомым. Полиция не хочет вникать, а мне нравится покопаться.

– На этом можно заработать?

– Понятия не имею. Наверное, можно, раз они существуют. Еще могу репетитором. Вообще-то, я совладелец фабрики пищевых добавок...

– «Зеленый лист»? Знаю. Моя жена все время покупает у вас на сайте, худеет.

– Честное слово, все абсолютно безвредно, – заверил Монах.

Артур рассмеялся. Было видно, что он постепенно приходит в себя после общения с Речицким.

– Вы хорошо его знаете? – спросил он.

– Виделись один раз, совершенно случайно. – Монах по-

нял, что Артур спрашивает о Речицком. — Он угостил меня своим пивом. Классное пиво, должен заметить.

— Скотина и хам! — раздул ноздри Артур. — Как напьется, так и лезет на рожон. Пару лет назад его чуть не убили в драке, и ничего! Отлежался и снова полез. Да и трезвый дрянной человек. И его миньон, этот... двуликий Янус с идиотскими шуточками! Я бы не удивился, если бы в один прекрасный момент ему припомнили все. Дима Щука до сих пор не может успокоиться, он остался должен ему приличную сумму. А Речицкий — городской псих! Не завидую его лошадям.

Теперь рассмеялся Монах. Он не понял, кто такой двуликий Янус, и подумал, что надо будет спросить у Добродеева...

Он нашел Добродеева в компании Речицкого и незнакомого мужчины, которого звали Кирилл Юшкевич.

— Купил мое пиво! — сообщил Речицкий. — Теперь спрашивай с него. Между прочим, у него жена красотка, где-то тут. Везет мужику.

— Мы знакомы, — холодно произнес Кирилл.

Был это красивый белобрысый мужчина с зализанными назад волосами и с видом весьма высокомерным.

— Не припоминаю, — сказал Монах. — Но все равно рад.

— Мы встречались насчет вашей фабрики, я присматривал...

— Вспомнил! — воскликнул Монах. — Вы хотели ее купить.

— Помню вашего партнера... Георгий, кажется?

– Жорик! Точно. Он потом сказал, какой замечательный человек! Сразу видно, из центра. Вы, кажется, не из местных? Переехали... дайте вспомнить!

– Не важно, – перебил Речицкий. – Переехал и переехал. Ларочка! – вдруг закричал он, бросаясь в толпу, неспешно фланирующую мимо. Выхватил молодую темноволосую женщину в синем платье, обнял, расцеловал. – Это Ларочка, прошу любить. Кирилл, где ты нашел такое чудо?

Женщина вспыхнула и смутилась. Высвободилась из рук Речицкого, взглянула на мужа. Тот исподлобья мерил бизнесмена взглядом.

– Это Олег Монахов, это Леша Добродеев, ваши верные почитатели, правда, господа? – Речицкого несло.

Он был изрядно на взводе, и чувствовалось, что еще немного, и он взорвется. Добродеев заверил, что правда поцеловал Ларе ручку и забросал вопросами, как ей тут, в нашем скромном городишке, и если нужна помощь, то ради бога! Он всегда распускал хвост при виде красивой женщины.

– Бывали у нас раньше? – спросил Монах, с удовольствием ее разглядывая.

– Нет, – Лара улыбнулась. – Кирилл бросил монетку, и вот мы здесь. Мне у вас нравится. Река, луг... все время люблюсь с балкона.

Добродеев, разумеется, тут же предложил свои услуги. Речицкий оттеснил его и сказал, что он первый на очереди, что

прозвучало двусмысленно. О Кирилле забыли.

Знаток человек Монах с удовольствием наблюдал.

Разгоряченный Добродеев собирался ответить, но тут к ним подошел длинный и тонкий мужчина, обнял Речицкого за талию и, извинившись, увлек его прочь. Монах был разочарован...

Глава 4

Скромное обаяние кулуарного трепа

*Вонзите штопор в упругость пробки —
И взоры женищин не будут робки!*

Игорь Северянин. «Хабанера II»

Монах и Добродеев уютно устроились за столиком в углу, неторопливо цедили виски, рассматривали и обсуждали публику. Вернее, не столько обсуждали, сколько Добродеев выкладывал сплетни и слухи, а Монах с удовольствием слушал и задавал уточняющие вопросы. К ним время от времени подходили знакомые Добродеева, подсаживались на минуту-другую, перебрасывались парой фраз и отчаливали, а журналист сообщал Монаху подробную биографию подходившего.

– Артур Ондрик – меценат и позер, но мужик невредный, обожает публичность, закатывает вернисажи не столько из-за молодых дарований, – тут Добродеев иронически хмыкнул, выражая скептицизм по поводу «дарований», – сколько из-за желания покрасоваться и сорвать аплодисменты. Актер из него не получился, художник тоже... да-да, баловал-

ся по молодости, но, увы! Не пробился, говорит, никто не поддержал и не протянул руку помощи, так теперь в отместку жестокой судьбине он помогает пробиться другим. Картины американца купил тысяч за тридцать, а то и меньше, теперь сделает рекламу, раскрутит и продаст за триста. Такой бизнес, но это между нами, доказательств у меня, как ты понимаешь, нет. Местные коллекционеры с руками оторвут. Нувориши, никакого понятия о подлинных ценностях, одни понты, что с них взять. Но мужик неплохой. Володя Речицкий – скандалист, бретер и ловелас. Три раза женат...

– Это не показатель, – заметил Монах. – Мало ли кто был женат три раза. Он так смотрел на нее, на эту Лару... сожрать готов! Глаз горит.

– Ага. Красотка, а супруг бука. Если бы не Яша Ребров, точно была бы драка. Яша у него на подхвате, чуть что, уходит.

– Дзуликий Янус! – вспомнил Монах. – Он?

– Он самый. Речицкий дерется и скандалит в публичных местах, на счету с десятков приводов, нанесение увечий средней тяжести и многое другое. Пашка Рыдаев нажил на нем целое состояние. Но талантлив, собака, ничего не скажешь! Пивзавод процветал, продал, прилично наварил. Это тебе не Артур с его картинным бизнесом. Теперь конезавод. Завтра же смотаемся в Сиднев, люблю лошадок. – Монах ухмыльнулся, вспомнив название бульварного листка, но промолчал. – Артур его ненавидит, говорят, у Володи был роман с

его супругой. А ты его хорошо знаешь?

– Виделись как-то раз. Он не дрался и не матерился, держался в рамках. Правда, послал боша, который ставил пивной цех. Но тот говорил только по-немецки и не врубился. Угостил меня классным пивом. Мне он показался нормальным мужиком, и я не понимаю...

– Говорили, Речицкий соблазнил ее, а Ондрик узнал...

Тут его прервали. На свободный стул рядом с ними рухнул изрядно подвыпивший крупный мужчина с длинными патлами и камерой на груди и радостно пробасил:

– Привет честной компании!

– Иван! – обрадовался Добродеев. – Иван Денисенко! Выдающийся художник и мастер фотографии, лауреат и победитель... Ванюша! Сто лет тебя не видел! – Растроганный и обрадованный Добродеев через стол обнимался с мужчиной с камерой. – А это мой друг, профессор Олег Монахов.

Иван Денисенко картинно прижал руки к груди и уронил голову на грудь.

– Весьма! – сказал Монах. – Видел вашу выставку с мусором, был впечатлен. Потрясающая выставка.

– У Ивана особое видение, – сказал Добродеев. – Он ни на кого не похож. Ванюша, посидишь с нами? Что нового? Над чем работаешь? – Он махнул официанту и спросил: – Коньяк? Виски?

– Пива, – сказал Иван хрипло. – Холодненького!

– Мне тоже, – обрадовался Монах. – Терпеть не могу вис-

ки, только из-за уважения к Леше. Между нами, он страшный сноб. Как вам картины Марка Риттера? Как художнику?

– Дерьмо! – сказал Иван, не понижая голоса. – Я вам таких баб в кружках сотню намалую. Артур дурью мается, я ему говорил. Такие деньжищи вбухал. И не надо ля-ля про видение, то-се... Дерьмо! И остальные картины этого Марка тоже дерьмо, я видел на сайте, специально полез. Пейзажик ничего, но не фонтан. Вся ценность в местной тематике, но-стальгия, ретро... всякая лабуда. Наши местные на голову выше. Возьми Диму Шуку! Жаль, спивается парень. А какой талант был! А Марк Риттер – дерьмо!

– Bravo! – обрадовался Монах. – И я того же мнения.

– Дерьмо! И что интересно... – Иван на миг задумался. – Он правда торчит или притворяется? Если притворяется, то на хрен? Для рекламы?

– В корне не согласен! – воскликнул Добродеев. – Иван, не ожидал от тебя!

– Да ладно тебе, Леша! Дерьмо, оно и есть дерьмо. А ты какой профессор? – Иван повернулся к Монаху.

– Физико-математических и психология.

– Ага, у меня друг тоже профессор, только философии, классный чувак! Умный, аж страшно, каждый день бегают в парке, студентки проходу не дают, нигде ни грамма жира... – Иван вздохнул и похлопал себя по изрядному животу. – А картина эта...

– А над чем ты сейчас работаешь? – поспешно перебил

Добродеев.

– Я? Неживая натура. *Предметизм*.

– Предметизм? – удивился Добродеев. – Никогда не слышал. Это что?

– Мой стиль. В смысле, предметы. Чучела и манекены, всякая нежить. Как отражение мира живых. Чем больше работаю над темой, тем больше убеждаюсь, что все неоднозначно и у них своя тайная жизнь. Собака, писающая на голый унисекс-манекен, – вообще шедевр! Буль с мрачной мордой и поднятой лапой, представляешь? И смотрит на зрителя.

Над столом повисла пауза. Монах и Добродеев переглянулись.

– Да, очень интересно, – промямлил Добродеев. – А мы собираемся к Речицкому на конезавод, хотим лошадок посмотреть.

– Я с вами! – обрадовался Иван. – Он меня давно приглашает, да все как-то руки не доходили. Речицкий фигура, я фотографировал его мисок, а теперь лошадей. Обожаю! Давайте за лошадей! – Иван достал из кофра бутылку финской водки.

– А пиво? – спросил Добродеев.

– Вместе!

Монах хотел уточнить насчет «мисок» Речицкого, но тут к ним подошел Артур и спросил:

– Он уже облил грязью мои картины?

– Облил, будь спок. Будешь? – спросил Иван. Он ловко скосовырнул крышку и разлил водку в стаканы. – За настоящее искусство!

– За лошадей! – напомнил Добродеев.

– За лошадей в настоящем искусстве!

Они выпили. Иван начал рассказывать анекдот про мужика с оранжевым пенисом, при этом очень смеялся, в конце концов сбился, нахмурился и замолчал. А потом и вовсе уснул, прислонившись к стене.

Потом к ним по очереди подходили знакомые Добродеева, тот обнимался с ними, а с некоторыми целовался. Монах только головой качал и ухмылялся – он ни за какие коврижки не стал бы целоваться с женщиной, с его точки зрения, вполне достаточно пожать руку.

Впервые за долгое время ему было хорошо. Он был пьян и расслаблен, а толпа вокруг являла великолепные типажи для рассматривания: было много толстых и пузатых мужчин, что радовало, и красивых женщин, что тоже радовало. С открытыми плечами и глубокими декольте, на высоких каблуках, с тонкими лодыжками.

У Монаха глаза разбегались. Добродеев болтал с подходящими к ним о всякой дурацкой ерунде, а потом полусшепотом передавал Монаху сплетни о ветвистых рогах, адюльтерах, семейных скандалах и романах на стороне.

Голова у Монаха шла кругом от виски, пива и водки, а также от смачных добродеевских историй.

Они хорошо сидели. Добродеев взалхлеб сплетничал; Иван Денисенко мирно спал, время от времени всхрапывая; Монах слушал вполуха и рассматривал женщин.

Меж тем около бара разгорался скандал. Там кричали и били посуду.

Добродеев встрепенулся, сделал стойку и рванул в направлении бара. Иван продолжал спать.

Монах с удовольствием пил пиво и думал, что даже на таком приличном *суаре* случаются драки, а устроителям не следовало *устраивать* бар, а подавать только апельсиновый сок и кока-колу.

До него долетел рев, в котором можно было разобрать «барахло», «сука» и «убью», которые, видимо, выкрикивал скандалист.

Скандал угас так же внезапно, как разгорелся. Монаху было видно, как два здоровенных секьюрити потащили смутьяна из зала, и порядок был восстановлен.

Спустя пару минут вернулся возбужденный Добродеев.

– Ну что там? – благодушно спросил Монах.

– Димка Щука бузит!

– Что за персонаж?

– Наш городской «анфан террибль»! Богема! Слышал, что он орал? Был неплохой художник, но спился. Его никуда не приглашают и не пускают, не понимаю, как охрана прощелкала. И так всякий раз, помню, однажды на выставке в Доме художника он тоже закатил скандал, обозвал всех безда-

рями...

– Что случилось? – проснувшийся Иван Денисенко захлопал глазами. – Вроде какой-то шум, Леша, ты не в курсе?

– Дима Шука подрался с охранниками.

– Димка? – Иван захохотал. – Гигант! Какое сборище без Димки! Помню, однажды он ввалился сильно подшофе на мою персональную выставку и наделал шороху! Потом извинился, и мы с ним посидели у Митрича. Хороший художник был, а теперь спивается. Начинал как реалист, пробовал себя в импрессионизме, кубизме... не отличишь от мэтров, валял дурака... Жена бросила, не поверите, он плакал у меня на груди как ребенок. Я говорил, радуйся, художник должен быть свободным, посмотри на меня!

Сам Иван был женат не то три, не то четыре раза...

Под занавес к ним подошла компания – длинный тонкий мужчина в белом костюме с бойкой физиономией жиголо и зачесанными назад блестящими черными волосами – тот самый, что увел Речицкого от греха подальше и которого Артур Ондрик обозвал двуликим Янусом, – и две очаровательные девушки, блондинка и рыжая.

Добродеев радостно представил его Монаху, назвав создателем женской красоты.

Монах не врубился, о чем речь, и спросил, пожирая девушек глазами:

– В каком смысле? Визажист?

Девушки захихикали.

– Яков Ребров – руководитель фонда культурного наследия, устраивает конкурсы красоты «Мисс города», – объяснил Добродеев. – Кстати, Речицкий выступает спонсором. А это мои друзья, профессор Монахов и дипломированный художник-фотограф Иван Денисенко, лауреат и чемпион, вы должны его знать.

– Прекрасно знаем, – заявил руководитель фонда тонким сиплым голосом. – А как же!

Дипломированный фотограф снова мирно спал, прислонясь к стене, и не отреагировал никак.

Добродеев потряс фотографа за плечо. Тот всхрапнул, но не проснулся.

– Алексей Добродеев! – Журналист повернулся к девушкам и щелкнул каблуками: – Ваш покорный слуга. Прошу любить и жаловать. Он же Лео Глюк! Должно быть, вы читали мои репортажи.

Девушки снова хихикнули.

Было похоже, они не имеют ни малейшего понятия ни о Леше Добродееве, ни о Лео Глюке.

– Миски! – воскликнул Монах, хлопая себя ладошкой по лбу. – Конечно!

– Очень приятно, рад! – Руководитель фонда протянул Монаху руку с массивным серебряным перстнем на среднем пальце. – Леша много о вас рассказывал. – На лице Добродеева отразилось удивление. – Анфиса! – он подтолкнул вперед блондинку. Та сделала шутливый реверанс. – Одри! –

Рыжая девушка нагнулась и громко чмокнула Монаха в щеку. — Мои подопечные. Прошу, так сказать.

— Я тоже рад! Очень! — затрепетал Монах, не сводя взгляда с Одри, и спросил светским тоном: — Как вам картины, господа?

Яков Ребров оглянулся и сказал, понизив голос:

— Дерьмо! — Девушки расхохотались. — И что самое интересное, этот жулик всегда находит идиота, который платит за них сумасшедшие бабки. Отработанный алгоритм: покупка века, агрессивная реклама, клятвы, что никогда и ни за что не расстанется, и продажа с приличным наваром. Кроме того, врет насчет цены. Еще неизвестно, что такое этот Марк Риттер, и если хорошенько покопаться...

Одним словом, компания подобралась что надо.

Яков рассказывал всякие смешные истории из своей практики, девушки хохотали и в рискованных местах шлепали его по рукам. Леша Добродеев по-новой вываливал городские сплетни, изрядно привирая и поминутно повторяя, что он, как порядочный человек, не может назвать имен, мол, «сами понимаете!», но «поверьте, вы его (или ее) прекрасно знаете!».

Монах оживился, забыл об ипохондрии и депрессии и был счастлив. Он даже получил пальму первенства за самую интересную историю, рассказав о своих памирских странствиях, укусе королевской кобры, буддийских дацанах с золотыми буддами и храмовыми жрицами, сплагатив самые яркие

куски из «Индианы Джонса».

Одри снова поцеловала его и сказала, что всю жизнь мечтала попасть в буддийский монастырь и хоть сию минуту готова все бросить и сбежать с ним.

И так далее, и тому подобное.

Глубокой ночью Добродеев доставил Монаха домой. Они постояли у подъезда, вдыхая прохладный ночной воздух и рассматривая яркую кривоватую луну. Домой не хотелось, душа была полна томлений и неясных сожалений о несбывшемся.

– Луна! Смотри, Леша, какая луна! Совсем как настоящая. Сто лет не видел луны, – ностальгически сказал Монах.

– Ага, луна, – сказал Добродеев. – Классно посидели. Не жалеешь? Телефончик взял?

– Не жалею. Взял. Спасибо, Леша, поддержал старика.

Добродеев фыркнул иронически, но, к разочарованию Монаха, не стал утешать и утверждать, что тот еще о-го-го и «какие наши годы», а просто приобнял его на прощание и побежал к ожидающему такси.

А Монах все стоял, задрав голову, рассматривал луну и вздыхал. Вспоминал первозданную тишину векового леса, костерок и быструю речку. Потом мысли его плавно перетекли к красоте Одри, не очень умной, но очень милой и заводной. Что, в свою очередь, подталкивало к философским размышлениям на тему: умные или красивые, что также ставило перед выбором: ты с кем? Дурацкий вопрос, разве не

ясно?

Монах смотрел на луну и улыбался...

Глава 5

После бала

*В наш подлый век неверен друг любой...
Тот, на кого ты в жизни положился, —
Всмотрись-ка лучше — враг перед тобой.*

Омар Хайям «В наш подлый век...»

Артур Ондрик был доволен. Мероприятие удалось на славу. Завтра выйдет репортаж Леши Добродеева, интервью на ТВ, все билеты были раскуплены, благотворительный сбор превысил ожидания. Завтра... сегодня уже, на сайте «Ветка падуба» появится отчет о вернисаже с работами Ивана Денисенко и блиц-интервью гостей.

Идея с Марком Риттером оказалась плодотворной, полотном заинтересовался Боря Залкин, наваривший миллионы на вывозе в Китай металлолома.

Артур помнит его плохо одетым, с бегающими глазами владельцем кондитерского цеха, чьи пирожки с кошатиной и повидлом продавались по всему городу. А потом вдруг случилось прекрасное превращение – Боря сообразил насчет металлолома.

Дальше по восходящей: дорогая иномарка, квартира в центре, еще одна и еще, трехэтажный домина в престижном

пригороде, вилла в Италии и дети в английском колледже. Теперь пришло время собирать антиквариат, иконы и картины.

Боря заинтересовался картиной, крутился вокруг, фоткал, чуть не нюхал и расспрашивал о цене; пер буром и даже начал торговаться.

Он, Артур, был тверд: не продается! Не продается, и basta, самому нужно.

Ничего, пусть клиент созреет, никуда он не денется.

Он даже намекнул Боре, что картиной интересуются не последние люди, *типа* очередь стоит, так что в любом случае ему не светит.

Боря цепкий торгаш, чующий запах денег, но в искусстве полный ноль, что есть хорошо.

Были и неприятные моменты, куда ж без них.

Яков Ребров, этот сутенер и шестерка Речицкого, подпортил торжество, плевался ядом и намеками...

Подонки! И Речицкий подонки! Они снова едва не подрались.

Артур сжал кулаки и раздул ноздри, вспомнив роман бизнесмена с Зоей, женой... Они вскоре развелись, и она уехала из города. Потом вернулась, и они помирились, но осадок остался.

Зоя часто остается у мамы, вот и сегодня утром сказала, что плохо себя чувствует и домой не вернется.

Артур до сих пор не может успокоиться, и его ненависть к

Речицкому, этому... ковбою и подонку, не утихает, а становится сильнее. И самое неприятное, что он из кожи лезет, чтобы доказать ей, что он лучше, порядочнее, образованнее, чем... этот.

Это превратилось в идефикс, он понимает, что не следует, что это недостойно, но ничего не может с собой поделать, говорит гадости и передает ей все сплетни о сопернике. Он чувствует, что она ненавидит его, да и от его любви ничего не осталось...

Полгода назад они подрались в «Английском клубе», и эта сволочь разбила ему лицо!

Артур помнит, как стоял окровавленный, ничего не сообщая от боли, а Речицкий с ревом молотил его кулаками. Помнит перекошенную от ненависти физиономию врага и женский визг...

Подводя итоги, однако, можно сказать, что вечер удался. Несмотря на перепалку под занавес с Речицким. Во всех отношениях вернисаж – выдающееся культурное событие. Полотно Марка Риттера стало бомбой, кому надо, заинтересовались и оценили; молодые таланты вышли из тени, кое-кто сумел продать свои работы. Они останутся на выставке до закрытия, и только потом новые владельцы получат их «живьем», так сказать. А пока на них повисит табличка «продано».

Артур провожал гостей, выслушивал добрые слова и пожелания, улыбался, пожимал руки, его похлопывали по пле-

чу, он отвечал тем же.

Уставший, нетрезвый, испытывая лишь одно желание, вернее, два – горячий душ и в постель, – он переступил порог пустой и темной квартиры, небрежно бросил на тумбочку легкий плащ. Замер настороженно, заметив картонный прямоугольник размером чуть побольше бизнес-карточки, выскользнувший из кармана. Нагнулся, поднял, недоуменно повертел в руках – это была открытка в восточном стиле: вереница разноцветных журавликов по диагонали, внизу слева покрупнее, в правом верхнем углу совсем крошечных, а в центре мраморная скульптура – зверь с красными ушами и оскаленными зубами.

Артур стоял долгую минуту, рассматривая открытку, потом перевернул, надеясь увидеть послание, но обратная сторона картонного прямоугольника была девственно чиста.

Зверя он уже видел... оборотень! Точно. Кицуне!³ Лисица-оборотень, символ обмана.

Ах ты, дрянь! Он знал, кто сунул открытку ему в карман. Смял ее и отшвырнул...

...Он прошел по квартире, зажигая везде свет. Так ему казалось, что он не один. Эффект присутствия... Нет, иллюзия присутствия... кого-нибудь.

Зоя у матери, после того случая они стали чужими. Он простил ее, он пытается забыть, он делает над собой усилия, а она не ценит. Они хорошо жили, и вся жизнь коту под хвост

³ *Кицуне* – персонаж японского фольклора, разновидность демона-оборотня.

из-за этого ничтожества! Бабника и фата Речицкого! Вокруг него всегда крутятся какие-то сомнительные особы женского пола – Артур не упускал случая поиздеваться над всеядностью пивовара, которого всегда тянет в грязь.

Зоя всегда соглашалась с ним... во всяком случае, не спорила. А потом грянул гром! Его добрая знакомая и смотрительница галереи Лидия Гавриловна увидела Зою и Речицкого вместе. Их дома́ рядом.

– Вы, Артик... – она называла его Артиком, а он ее Мальвиной – за голубые локоны, мысленно, разумеется. – Вы, Артик, должны знать кое-что, – сказала Лидия Гавриловна. – Я колебалась, я никогда не лезу в чужие дела, вы же знаете, но потом подумала, что вам все-таки следует знать.

Ондрик ухмыльнулся, не почувствовав худого: она не лезет в чужие дела, можно подумать! Еще как лезет! Первая сплетница на деревне. Ничто в нем не замерло от предчувствия, он был доволен собой, успешен, занят любимым делом.

– Ваша жена встречается с Речицким, они приезжают днем на его машине, а через три часа он отвозит ее в город.

Мальвина смотрела на него с садистским любопытством, наблюдала, как меняется его лицо. Артур стоял как парализованный, не в силах выговорить ни слова, у него даже в глазах потемнело. Зоя и Речицкий? Не может быть! Только не Речицкий, над которым он издевался, рассказывая Зое про дешевых дамочек, которые не могут устоять против этого ма-

чо. Он был низвергнут. Он сразу поверил ей, обвинение было серьезным.

– Французы говорят, мужья узнают обо всем последними, – забивала последние гвозди в его гроб Мальвина. – Возможно, мне следовало промолчать, но адюльтер – это серьезно, я решила, что вам нужно знать. Вы достойный человек, Артур, и я не хочу, чтобы вас называли рогиносцем и смеялись над вами. Обманутые мужья смешны! Обманутые мужья – герои анекдотов. Тем более я не уважаю Речицкого, у этого человека раздутое либидо мартовского кота и грязная репутация.

Артуру казалось, что она воткнула в него нож и с каждой фразой проворачивает его, как ключ в замочной скважине. Глубже, сильнее, больнее...

– Присядьте, Артик, я сделаю вам кофе, – сказала Мальвина, удовлетворившись результатом. – На вас лица нет.

Она выплыла в подсобку и загремела посудой. Артур упал на стул и стал вспоминать.

Зоя изменилась; стала молчаливой; перестала интересоваться его работой, ни о чем не расспрашивала; на попытки близости с его стороны говорила, что плохо себя чувствует. Все говорит о том, что у нее есть любовник, а он, Артур Ондрик, несчастный самодовольный слепец. И дурак.

У него сжались кулаки при мысли, что они смеются над ним. В постели, после секса.

В последний раз он видел Речицкого пару недель назад,

они столкнулись на площади, обменялись рукопожатиями, постояли.

Речицкий спросил, когда вернисаж и что новенького в галерее.

Артур отвечал серьезно и обстоятельно, Речицкий внимательно слушал. Лицо его было серьезно, он кивал, а внутри смеялся над ним и вспоминал, как они с Зоей...

Подонки! Подлый подонки! И Зоя не лучше...

Он ушел, не дождавшись кофе. Он не мог видеть Мальвину, он с удовольствием придушил бы ее, прекрасно понимая, что она тоже смеется над ним. Все, кто его знает, смеются над ним!

Он вернулся домой в неурочное время. Жена была дома, но собиралась выйти. Он отметил белый нарядный плащ и шелковый шарф, синий в розовых тюльпанах, который сам подарил ей. От нее пахло духами, которые были тоже его подарком.

– Ты уходишь? – спросил он.

– Выйду, пройду, что-то голова разболелась...

Бессовестная, она смотрела на него с улыбкой, а он готов был рычать от негодования. Голова разболелась! Всегда одно и то же! Классика. Она отказывает ему в сексе, потому что разболелась голова, спешит к любовнику, а мужу врет, что идет пройтись, все из-за той же несчастной больной головы!

– Хочешь, я пойду с тобой? – спросил он.

– Не нужно, не беспокойся. – Она погладила рукой его

щеку. — Я ненадолго.

Это было слишком! Он вдруг почувствовал такую леденящую ненависть к ней, что готов был ее разорвать.

— Ты никуда не пойдешь. — Он встал между ней и дверью.

— Я же сказала, что мне нужно пройтись! — Зоя повысила голос: — Пусти!

И тогда он сказал ей то, чем гордился до сих пор, так и вмазал:

— Если ты сейчас уйдешь, можешь не возвращаться.

Иди! — Он посторонился, давая ей пройти.

Только сейчас она почуяла неладное, тревожно всмотрелась в его лицо. Молча сняла плащ, повесила на вешалку и пошла в гостиную. Села на диван. На него она больше не смотрела. Он стоял на пороге, испепеляя ее взглядом. Палач и судья.

— Ты думала, я не узнаю? Ты спуталась с этим подонком Речицким! Чего тебе не хватало? Я дал тебе все! Шмотки, за границу, дом... Дрянь! Шлюха! Ненавижу!

Он, не помня себя от боли, хлестал ее, не выбирая слов, желая лишь одного: причинить ей боль.

Зоя закрыла уши руками и закричала:

— Перестань! Я уйду! Я ни минуты с тобой не останусь!

Она вскочила и побежала из комнаты. Артур пошел за ней. Опираясь о косяк, он смотрел, как она набивает чемодан, швыряя туда сорванные с вешалки платья, юбки, свитера.

– Неужели он сделал тебе предложение? – спросил с издевкой. – Поздравляю, будешь пятой женой. Самое главное в жизни – любовь, я понимаю. Не работа, не семья, не обязательства, а любовь. – Он помолчал, потом добавил: – Не забудь оставить ключи. – Повернулся и вышел из спальни...

Он сидел в кабинете, слепо уставившись в экран компьютера, ничего не видя. Прислушивался, пытаясь понять, где она и что делает, но в квартире было тихо. Он ожидал, что хлопнет входная дверь, но время шло, а в квартире по-прежнему было тихо.

Если бы его спросили, хочет ли он, чтобы Зоя ушла, он затруднился бы с ответом. Он хотел, чтобы все было как раньше, и понимал в то же время, что так, как раньше, уже не будет. Они были женаты двенадцать лет, он был влюблен и счастлив... Проклятый Речицкий!

...Она лежала в спальне, не включая свет. Он сгрел свою постель и пошел назад в кабинет. Он больше не испытывал ненависти, а только звенящую гулкую пустоту.

Забыться ему удалось только под утро. Разбудил его запах кофе. Зоя в кухне готовила завтрак – его любимые блинчики с клубничным вареньем. Он хотел преувеличенно удивиться, что она еще здесь, но настроения не было. От лежания на неудобном диване ломило шею и плечи. Он сел за стол; она поставила перед ним тарелку с блинами и чашку.

Они смотрели друг на дружку.

Она отвела глаза и сказала:

– Ты меня ненавидишь?

Ему бы ответить твердо: «Да!» Но ненависти он больше не чувствовал, а только одну усталость и поэтому сказал:

– Не знаю. Ты остаешься? – Это прозвучало, как просьба.

Она пожала плечами...

Ничего хорошего из этого, разумеется, не вышло. Они стали чужими. Зоя все чаще уезжала к матери в Зареченск, он перестал делиться с ней новостями о галерее.

Казалось бы, зачем им такая жизнь, разбегайтесь, есть вещи, которые не склеить, но они все держались вместе. По инерции, должно быть. Зоя почти не выходила из дома, и Артур понял, что с Речицким она больше не видится. Она ли перестала встречаться с Речицким, он ли с ней – без разницы, они стали чужими...

Глава 6

После бала. Часть вторая

Люди всегда удивляются событиям, которых ждали.

Из законов о разном

– ...Наконец-то я увидел весь городской бомонд во всей красе!

Кирилл Юшкевич, тот самый чужак, что купил пивоваренное предприятие Речицкого, разговаривал с супругой через открытую дверь ванной комнаты. Лара – так ее звали – уже легла, слушала молча, никак не реагируя на слова мужа.

– Речицкого мы уже знаем, скотина и бабник, хватал тебя, я чуть не дал ему в морду. Хорошо, что тот, с девицами, его увел. Ну, и рожа! Непонятно, что их связывает. Речицкий, конечно, скандалист, кое-что я уже слышал, репутация та еще, при этом, что удивительно, жесткий деловар. А этот, с девицами, похож на содержателя массажного салона! На редкость неприятная физиономия, типичный сутенер. А девицы, девицы! Древнейшая профессия прямо на лбу, жрицы продажной любви. – Кирилл расхохотался. – Местные вкусы очень невзыскательны. Женщины – провинциалки, ни стиля, ни шика. Ты была самой элегантной, я тобой гордился. Все на тебя так и пялились. Мы покажем им, что такое евро-

пейский стиль. Кстати, Речицкий представил меня парочке местных предпринимателей, у одного магазин электроники, китайских дешевок, скорее всего, у другого несколько ресторанов, очень приглашали забежать как-нибудь. Еще бы!

Лара молчала, лежала, сжав кулаки. Но Кириллу ее ответы не требовались, он привык слушать и слышать только себя.

– Артур, хозяин вернисажа, мне понравился, идеалистов в нашем прагматичном мире все меньше, их всех надо в Красную книгу. Среди молодежи есть интересные ребята, помнишь, картину с воздушными шарами? Красное с голубым. Что-то похожее я уже видел, но смотрится мило. Можно в гостиную, там не помешает яркое пятно. Я сделал предложение. И фиалки в белой чашке с отбитой ручкой – тоже ничего. Интересная идея – не в вазе, что банально, а в простой чашке. Еще парочка пейзажей. Остальное ерунда. Картины Марка Риттера, конечно, для них событие. Не думаю, что он выложил двести тысяч, хотя... Американский авангард всегда в цене. Смотрится неплохо. Цветопередача, композиция... Я бы не отказался. Спросил у него, сколько, он ни в какую. Ну да еще не вечер! – Кирилл снова рассмеялся.

Лара продолжала молчать, лежала с закрытыми глазами. Она устала и хотела спать.

Кирилл, наоборот, был пьян и возбужден – как всякой «сове», ночью ему хотелось болтать. Он уже стоял посреди спальни в распахнутом махровом халате, с удовольствием рассматривал себя в зеркале и острил, описывая новых зна-

комых снисходительно, с юмором, чувствуя себя столичным жителем, которого судьба временно забросила в глухую провинцию.

О причине переезда Кирилл предпочитал не вспоминать и преподносил покупку пивзавода как удачно подвернувшуюся сделку, которую жалко упустить, а не как вынужденную меру по спасению хоть каких-то активов после полного провала семейного бизнеса.

Как всякий самовлюбленный эгоист, он считал себя крутым спецом и был уверен, что черная полоса рано или поздно закончится, любил рисковать, принимать необдуманные решения, действовать нахраписто и агрессивно. Бизнес, процветающий еще недавно, захирел после смерти совладельца, старшего брата Кирилла Андрея, человека осторожного и не поддающегося на авантюрные затеи брата. Четыре года назад Андрей погиб в автомобильной аварии...

Лара с болью вспоминала Андрея, они были друзьями. Его гибель стала ударом для нее в большей степени, чем для Кирилла.

Младший брат всегда находился в тени старшего, бунтовал, угрожал выйти из бизнеса, забрав свою долю, но для самостоятельного плавания еще не дорос. Дело обычно заканчивалось шумной сварой и хлопаньем дверью. Затем братья мирились, и жизнь продолжалась.

После смерти Андрея все пошло вразнос. Лара пыталась образумить Кирилла, но тот не терпел ни малейшей попытки

вмешаться в его дела, уговоры на него не действовали, он был упрям и азартен, пустился в рискованные спекуляции и в итоге прогорел. При этом виноваты были все, кроме него.

Лара недоумевала – Кирилл был неглуп, образован, много лет в торговом бизнесе, но при этом оставался недалеко-видным, излишне самоуверенным и принимал неразумные решения. Да что там неразумные! Дурацкие решения! Пу-тался с сомнительными дельцами, считая себя крутым пред-принимателем, брал ненужные кредиты, надумал расширять бизнес...

Пивзавод давал неплохую прибыль, Кирилл, казалось, взялся за голову – Лара нарадоваться не могла, но муж вдруг заговорил о цехе пищевых добавок и даже присмотрел мест-ную фабричку «Зеленый лист» и встретился с владельцами на предмет покупки. Получил отказ, но не сдавался.

Лара боялась, что Кирилл попытается надавить с помо-щью сомнительных знакомых из прежней жизни, и бог весть, чем история с покупкой может закончиться. Времена рей-дерства в прошлом, бизнес стал более цивилизованным, но рецидивы все еще случаются. И главное, на чужой террито-рии! Аборигены – дураки и дебилы, а мы крутые, мы вас сде-лаем на раз-два.

Дураками и дебилами были конкуренты, враги и даже со-юзники. Себя же он считал финансовым гением. Лара испы-тывала к мужу что-то вроде презрения, но подыгрывала... А куда денешься? Все бросить и идти работать? С ее незакон-

ченным музыкальным? Реализатором на рынок?

А любовь... если и была, то давно прошла. Они были женаты шесть лет. Иногда Лара думала, что, позови ее Андрей, она бросится к нему сломя голову, но Андрей все не звал...

— А те двое, толстяки сумо, помнишь? — продолжал Кирилл, напрягая мышцы. — Тот, что с костылем, — совладелец «Зеленого листа», я с ним уже имел разговор, по-моему, ему пофиг на бизнес, типичный лентяй и бездельник, не говоря о партнере — тот вообще придурок, двух слов связать не может. А этот писака из местной бульварной газетенки «Вечерняя лошадь», местная аристократия, так сказать! Как они смешны и жалки, эти местечковые воротилы. Ты заметила, там был фотограф, здоровый такой, с патлами, шелкал всех подряд, тебя особенно, так и пялился нахально, я даже хотел подойти и выдать ему пару теплых. Скотина! Завтра фотки появятся в Сети, надо будет найти. Кстати, у нас в субботу гости, слышишь? Вся компания! Речицкий, его шестерка Яков Ребров, сумоисты — журналюга с дружбаном, фотограф и Артур Ондрик. С местными надо дружить. — Он присел на край кровати. — Спишь?

Лара не ответила.

— А немножко любви родному мужу? — Он потрогал ее за плечо.

Лара молчала, притворяясь, что спит. Кирилл погасил ночник, лег, обнял Лару.

— Смотри, а то подружусь с Яшиными девочками. Они для

плебса, конечно, но рыженькая ничего. Шучу, шучу, не бойся, я падалью не питаюсь. — Он рассмеялся. — Иди ко мне, я соскучился!

Лара, стиснув зубы, сжав кулаки, удерживая слезы, позволила мужу...

Что значит позволила? Разве он спрашивал, уверенный в своем праве? Все верно, она *должна*. Должна, не должна...

Сама виновата, ты же никогда его не любила. Да, да, бывает, живут без любви, он тебе защиту, ты ему постель, все честно, так что нечего тут. Нечего! Подумаешь, делов. А то, что от одного звука его голоса, смеха, запаха хочется закричать — твое личное дело. Никто не держит, скатертью дорога. За все нужно платить. За крышу над головой, стол, шопинг в Европе. Твой вариант не самый плохой. Вот и плати. Или уходи. Пошла вон.

Кирилл давно спал, всхрапывая и постанывая во сне. Такая была у него особенность — стонать во сне. А Лара лежала неподвижно, как бревно... вернее, продолжая лежать неподвижно, как бревно, без сна, без мыслей, чувствуя себя пустой оболочкой, мертвым коконом, из которого вылетела бабочка...

Глава 7

Серые будни

Оптимист верит, что мы живем в лучшем из миров. Пессимист боится, что так оно и есть.
Михаил Жванецкий

На другой день в Сиднев никто, конечно, не поехал. У Добродеева оказалась прорва дел, Монах с мокрым полотенцем на лбу лежал на диване и морщился от всякого звука, будь то шум лифта, звук голосов с улицы или лай соседского той-терьера, крохотного, но удивительно крикливого.

На тумбочке стояла литровая бутылка минеральной воды, и Монах время от времени протягивал руку и, не открывая глаз, прикладывался. Пил, также морщась, так как глотки болезненно отдавались болью в затылке и висках, кроме того, каждый был оглушительным.

При звуке дверного звонка Монах издал стон, но остался недвижим. После третьего, цепляясь за спинку дивана, чертыхаясь, сполз и пошлепал в прихожую.

Добродеев с порога спросил:

– Ну как? – Присмотрелся, покачал головой и прищелкнул языком.

– Вот только не надо, – сказал Монах. – Что я пил?

– Начал с виски, потом коньяк, затем водку с пивом. Я

предупреждал, но ты не слушал. Иван Денисенко захотел пива, и ты поддержал. Головка бо-бо?

Монах молча развернулся и пошел назад в гостиную.

– Может, кофейку? – спросил ему в спину Добродеев.

Монах только дернул плечом.

– Тогда я себе, – решил Добродеев. – А пива? Клинок клином? Я захватил.

– Давай, – оживился Монах. – Брось на пару минут в морозильник. Ты тоже принял вчера?

– Все кроме пива. Я тебе говорил, но Иван сказал, фигня.

Потому свеж и бодр.

– Твой Иван пьет как лошадь, – пробурчал Монах, укладываясь на диван и накрывая лицо мокрым полотенцем.

– Кстати, о лошадях. Речицкий пригласил в Сиднев, помнишь?

– Только не сегодня. Я не в форме. – Голос Монаха из-под полотенца звучал невнятно и глухо.

– Хочешь, накапаю нашатыря?

– Нашатыря? На хрен?

– Говорят, помогает.

– Можешь помолчать? Иди свари себе кофе и дай мне спокойно помереть.

– Иду. Кстати, Кирилл пригласил нас на ужин, пойдешь?

– С какого перепугу? Он держится как белый господин в африканской деревне. Неприятный тип.

– А Лара приятная.

– Приятная. Часто задаю себе вопрос, почему у приятных женщин идиоты-мужья.

– Всяко бывает, – философически заметил Добродеев и удалился в кухню. – Кстати, Речицкий все-таки подрался! – прокричал он уже из кухни. – Мне утром Иван звонил, говорит, махач был приличный. Все против всех. – Добродеев захохотал. – Там своя тусовка оставалась догуливать, ну и Володя отвел душу. Если бы не Яша, давно бы влетел. Друзья детства, как ты с Жориком.

Монах только морщился от криков Добродеева, стараясь не дышать носом – от запаха кофе его затошнило...

...А в это же время в доме Речицкого происходила драматическая сцена.

Яков Ребров, друг и соратник, готовил завтрак и попутно «воспитывал» хозяина, причем не выбирая слов. (Не будем приводить здесь богатую лексику руководителя культурного фонда, заменив ее на приличную, так что читателю придется поверить на слово.)

– Ты совсем идиот? – вопрошал Яков. – Чего ты с ним сцепился? Артур падла еще та, но не публично же! Ты же мог его убить! А Иван Денисенко туда же! Певец свалок. Из-за тебя и мне прилетело. – Он потрогал покрасневшую левую скулу. – Мало того что ты тянул его половину, так еще и морду бить? Это уже перебор. Ты же понимаешь, что рано или поздно прилетит ответка... мало не покажется! Он собирался вызывать полицию, я еле уговорил. Смотри, до-

прыгаешься.

– Отстань, – бурчал Речицкий. – Что, собственно, произошло? Ну, разрядились, ну, выяснили отношения... Хотя, какие там отношения! И не бил я его, он сам под руку подлез... эстет гребаный. От одной его рожи рыгать тянет. А твои девки! Где ты их берешь?

– Мне нужны деньги, – сказал Яков после паузы.

– Опять? Жрешь ты их, что ли? У меня конюшня прогорает, дурак, что скинул пивзавод. Между прочим, ты посоветовал. Этот идиот его угробит! Корчит из себя финансиста... А Лара ничего, похожа на какую-то артистку... – Он пощелкал пальцами.

– Все они артистки, – заметил Яков. – Мне немного, через три месяца фестиваль, самой малости не хватает. Кстати, вспомни, я был против продажи завода, а ты уперся. Так что не надо.

– Опять? Не дам! Возьми у столичного гения. Расскажи ему, какой он крутой и весь из себя... как ты умеешь. Пока он не поиздержался. Идиот! Господи, какой же я идиот! – Речицкий обхватил голову руками. – Я никогда не любил лошадей, куда теперь с ними... За полгода ни одного предложения! А пиво всегда нарасхват. Прогорим оба – и я, и этот залетный. Какие деньги? Скоро по миру пойду. Какой фестиваль? Я же давал недавно!

– Не укладываемся, цены растут. Самую малость, говорю же.

– Я подумаю. Тебя легче убить, чем прокормить.

– Насчет залетного... Он приглашает в гости, в субботу.

Сходим? Кстати, можешь сделать предложение насчет завода, предложи сменять на конюшню. – Яков хмыкнул, давая понять, что шутит.

– Я и ему морду набил?

– Нет, они ушли раньше.

– Сходим. Хочу посмотреть на его мадам вблизи.

– Может, не стоит? Одри на тебя запала, спрашивала, с кем ты.

– Одри? – Речицкий рассмеялся. – Ну, и имечко! Сам придумал? А на самом деле?

– Ольга. Между прочим, неглупая девочка, преподает в техникуме.

– Ты, как я понимаю, трахаешь ее подругу? Или обеих?

– Я напишу список, посчитаешь сам, – Яков проигнорировал вопрос. – Через неделю платеж. Сделаешь?

Речицкий смотрел на приятеля в упор. Без улыбки. Яков отвечал ему таким же взглядом в упор...

Глава 8

Суаре

*Все, что есть хорошего в жизни, либо незаконно,
либо аморально, либо ведет к ожирению.
Первый постулат Пардо*

Суаре, суаре... Да что же это автор так в него вцепился? Носится, как с писаной торбой. Откуда такая склонность к архаике? Кто сейчас так говорит? Слово разве только в кроссвордах и встретишь. Что, кстати, наводит на мысль, что сочиняют их немолодые образованные, начитанные технари, причем мужчины – уж очень много технических, футбольных и рыболовных терминов. Ну, это так, вскользь...

Ба! Знакомые все лица. Тот же вернисаж, только без картин. Пришли все, всем интересно посмотреть, как устроились столичные штучки, как обставили квартиру, кто придет... и вообще. Пришли друзья, пришли враги, и те, и другие, умирая от любопытства.

Кирилл и Лара встречали гостей в прихожей. Кирилл сиял, Лара улыбалась вымученной улыбкой. Бледная, гладко причесанная, почти без макияжа, в открытом коротком черном платье, единственное украшение – бриллиантовые сережки, она выделялась среди ярко одетых гостей... как бы это правильнее? Стилем? Сдержанностью? Или... неумест-

ностью? Было видно, что происходящее не доставляет ей ни малейшего удовольствия. Она была чужой, и те, кто пришел, тоже были чужими. Десятка полтора чужих и ненужных друг другу людей...

Нетрезвый Речицкий принес чертову дюжину кремовых роз на мощных страусиных ногах с торчащими шипами и бутылку элитного коньяка.

Приобнял хозяина, протянул розы Ларе и потянулся поцеловать.

Она укололась о шип, вскрикнула и отступила на шаг, рассматривая капельку крови на пальце.

Речицкий схватил ее руку и сунул в рот ее окровавленный палец. Лара вырвала руку, мужчина рассмеялся.

Кирилл смотрел оторопело. Лара, пробормотав, что нужно заклеить пластырем, убежала из прихожей.

– Красивая она у тебя. На артистку похожа, не могу вспомнить. Это тебе! – Речицкий протянул Кириллу пузатую бутылку «Samus». Тот, помедлив, взял. – Надеюсь, я не первый? Яник уже на точке? – Видя, что Кирилл не понял, пояснил: – Мой дружбан, Яша Ребров, юморист-затейник, который с бабами.

– Он уже здесь, – сказал Кирилл. – Прошу в гостиную.

Речицкий упал на диван около Реброва, осмотрелся и сказал:

– А где девочки?

– Анфиса опоздает, ребенка не с кем оставить.

– Она что, мать-одиночка?

Яков пожал плечами и не ответил. Настроение у него стремительно падало. Речицкий пребывал в опасном настроении нарывания на скандал, то есть дошел до нужной кондиции, и похоже, без скандала не обойтись. Тем более у него подохла кобыла.

Когда Яков узнал, сколько она стоила, то невольно при-свистнул. В свое время он уговаривал приятеля не продавать пивзавод, приносивший неплохой доход, но Речицкий, упрямая скотина, вдруг захотел конезавод, не понимая в этом ни ухом, ни рылом.

Красивых перемен в жизни захотелось, видите ли. Лошади, конечно, красиво, но сколько же с ними возни! Болячки, прививки, витамины, тренеры, выездка...

Володька все свои проблемы решает нахрапом, думал и тут на дурика проскочить, ан нет, не вышло. Подохла гнедая красотка Кармен, лекарь подозревает отравление. Володька выгнал старшего конюха, тот, видите ли, позволил себе ухмыльнуться, когда он пытался руководить и учить персонал, как жить дальше, напирая на то, что с ним шутки плохи.

Идиот! Да за профи двумя руками надо держаться! Конюх съехал со двора, а кобыла через неделю возьми да подохни. А кто виноват?

Речицкий потрясал кулаками и вопил, что он его уроет!

Кишка тонка, попробуй докажи. Да и не верил Яков, что конюх будет травить лошадь. Уж скорее Володьку траванет.

Теперь точно не даст денег...

— А эта кукла ничего, — сказал Речицкий.

— Которая?

— Лара! Держится королевой, не намазана, шикарное платье. И почему только такие бабы обламываются всяким говнюкам?

Яков только вздохнул, пожалев, что ответил на приглашение Кирилла. Знал ведь, что приятель не в духе после смерти кобылы, загулял с горя, даже подрался на вернисаже с Артуром.

Артур носится со своей американской дешевкой, как дурень с писаной торбой, раззвонил по всему городу, рекламу, сволочь, делает. А потом спихнет втридорога. И голова не болит.

Речицкий обзавидовался и не выдержал — обозвал картины дерьмом. Артур взвился и в свою очередь обозвал его дилетантом, который в живописи понимает так же мало, как и в лошадях. Наступил на большую мозоль, одним словом.

После этого и началось. Ему, Якову, тоже прилетело. Потом их мирили. Вернее, они позволили себя помирить. Оба не дураки, оба погорячились. Потом все пили за дружбу. А в такси Речицкий бубнил, развивая тему убийства этой паршивой галерейной крысы, а его гребаный вернисаж обещал полить бензином и спалить к такой-то матери.

Душа Якова предчувствовала очередной скандал. Речицкий пьян, пребывает в первой стадии, заинтересовался Ла-

рой. Не к добру. На первой стадии он острит направо и налево, говорит гадости и много смеется. Цепляется к женщинам. На второй переходит к прямым оскорблениям, на третьей лезет в драку. А ему приходится разнимать, впихивать в такси и доставлять домой. Нянька!

Да, конечно, друг подкидывает на мероприятия, но ведь не даром! Все отработано сторицей.

Яков чувствовал, как растет в нем раздражение. Дурак! Трижды дурак, что пришел. Если бы не нужда в деньгах! Но Речицкий, похоже, не даст. Забыл, подонок, чем обязан ему.

Пощупать разве Артура? А что, завести разговор о картинах, дать понять, что видит его насквозь... Насквозь! И его картины тоже. Американский авангард, надо же!

Речицкий что-то говорил о Ларе. Было видно, что она зацепила его воображение.

Яков слушал с возрастающей тревогой...

Речицкий наконец уснул на диване на полужеле. До драки, к счастью, не дошло, и Яков перевел дух.

Кирилл задумал фуршет, но народ воспротивился – к чему это кокетство, надо быть проще, – придвинул столы к дивану и принес из кухни табуреты.

Дипломированный фотограф и лауреат Иван Денисенко наперегонки с золотым пером местной бульварной прессы Лешей Добродеевым произносили тосты. Пили за любовь и дружбу, за творчество, за прекрасных дам. Неутомимый Леша затеял викторину насчет того, кто как напивается.

– Как напивается плотник? – кричал разгоряченный журналист, протыкая вилкой воздух.

– В доску! – кричал в ответ Иван Денисенко.

– Стекольщик?

– Вдребезги! – после небольшой заминки выкрикнул Иван.

– Молоток! Сапожник?

– В стельку! – угадал Яков.

– Электрик?

– В отключку!

– Математик?

Наступила пауза. Никто не знал, как напивается математик.

Добродеев кивнул Монаху: давай, мол, подмогни.

– Должно быть, в ноль, – предположил Монах.

– Правильно! Христофорыч, ты гигант! Медик?

– До потери пульса! – закричала девушка Ивана, длинная блондинка с короткой стрижкой.

– Умница! – похвалил Добродеев.

– А мент? – заорал Иван Денисенко.

Новая пауза. Никто не знал.

– В ленивого полицейского! – Иван заржал.

Монах поглядывал на Лару, рассматривал ее короткими взглядами, пытаясь понять, что с ней не так. Кирилл поминутно обнимал жену, чмокал в щеку; лицо ее выражало покорность и равнодушие. Она постоянно поднималась и вы-

ходила из комнаты, унося пустые тарелки и принося полные.

В один из походов Монах увязался за ней под предлогом помощи. Сказал благодушно, что любит возиться по хозяйству.

Она слабо улыбнулась и кивнула.

– Привыкли у нас? – начал он издалека процесс выворачивания объекта наизнанку, как учит представитель желтой прессы журналист Добродеев. – После большого города, должно быть, трудно, масштабы другие.

Лара пожала плечами:

– Муж настоял на переезде. Из-за бизнеса.

Что и требовалось доказать! Муж настоял, а она была против. Конечно, променять столицу на их скромный город – это поступок.

– Почему именно к нам? Бывали у нас раньше?

– Я? Никогда! И города почти не знаю. Рассматриваю больше с балкона. Да и занята была, то ремонт, то мебель... И муж тут не был. Его заинтересовал завод, он решил, что нужно что-то менять в жизни...

– Я бы тоже не отказался от пивзавода. Любите пиво?

Лара улыбнулась:

– Не очень. А вы?

– Люблю. Когда-то Володя Речицкий угощал меня молодым пивком... Ну, очень, доложу вам! Удивительно, как в человеке сочетается... э-э-э... скажем, некоторая склонность к публичному асоциальному поведению с деловой

хваткой. Мой друг Добродеев... Знаете его? – Лара, улыбаясь, покачала головой. – Тот, что с викториной. Толстый и кричит. Любит называть себя Лео Глюк. Как наткнетесь в газете, знайте, это наше все, он же золотое перо, гордость местной журналистики и так далее, Леша Добродеев. Он уверяет, что Речицкий, хоть хулиган и пьяница, но очень душевный и добрый человек. Лет двести назад он был бы пиратом... вроде капитана Блада.

– Капитан Блад не был хулиганом и пьяницей, – заметила Лара. – Он был благородным пиратом.

– Разве? В таком случае Речицкий тоже благородный пират. А мой друг Иван Денисенко, замечательный художник и фотограф, правда, пьяница и много говорит. Если попросите, он сделает ваш фотопортрет.

Лара рассмеялась:

– Я подумаю.

– Подумайте. Повесите в гостиной. У вас красивая квартира. Я тоже купил квартиру, но пока не обставил. Купил большой диван... Знаете, когда лежишь на диване и думаешь, просто думаешь, в голову приходят потрясающе интересные мысли. У нас с другом детства Жориком Шумейко фабричка травяных чаев и всякой ерунды, «Зеленый лист» называется.

Как же, знаем! Монах числится там генеральным директором, а друг детства и просто хороший человек Жорик – исполнительным. Головная боль, выстраданный, просчитан-

ный, зачатый в муках проект...

Если честно, надоевший до чертиков, и только врожденная порядочность... гм... и беспомощный Жорик удерживают Монаха от побега куда глаза глядят.

Слова, слова... Сбежать он захотел! Так прямо и сбежать. С хромой ногой сильно не побегаешь. А Жорику постоянно что-нибудь нужно, то налоговая наедет, то пожар, то поставки задерживаются, и тогда Монах поднимается с дивана, надевает костюм и с отвращением идет разруливать. Он хитер как лис, кроток как голубь и дипломат как этот... Макиавелли. Кроме того, он волхв, как читателю уже известно, а потому знает, какие кнопки нажать и какие слова сказать. А Жорик – прекрасный механик, ну там оборудование сложить, механизм починить или забить гвоздь в нужное место – тут ему нет равных...

– Возможно, вам известно, что ваш супруг сделал нам предложение о покупке. Он у вас серьезный бизнесмен. – Лара кивнула, на лице ее появилось странное выражение... неприятия? Раздражения? Что не ускользнуло от внимания Монаха. – Так вот, лежа на диване, – продолжил он благодушно, – я задумал запустить линию парфюма и назвать его, допустим, «Незнакомка в тумане» или «Легкое дыхание», или еще как-нибудь похоже. (Бессовестное вранье!) Вернее, не духи, это сложно, это потом когда-нибудь, а туалетную воду, знаете, такую легкую невесомую... Иногда идешь в толпе и вдруг чувствуешь, как повеяло чем-то неземным... – Мо-

нах пошевелил в воздухе пальцами. Он нес всякую ерунду с целью расшевелить Лару, она казалась ему необычной и не очень счастливой. – Помните, где-то у Куприна: «упоительный запах фиалок» или как-то так. Упоительный! Не резкий или удушливый, а упоительный. А какие у вас духи?

– Муж любит дарить духи, – сказала Лара. – Ему нравятся сладкие ароматы.

Она сказала: «Ему нравятся»! Монах не стал развивать тему духов дальше, только сказал:

– Хотите, покажу вам город?

Во времена его юности это было их с Жориком любимым приколом: притвориться приезжими и попросить незнакомую девушку показать им город. Они ходили с ней по городу, удивлялись и задавали дурацкие вопросы. Барышня добросовестно отвечала, а они давились от смеха. Работало тогда, сработает и сейчас. Только в роли девушки, показывающей город двум шалопахам, теперь выступит сам Монах. Ему бы только вытащить ее на прогулку.

В ней чувствовалась загадка. Она напоминала ему закрытую коробку или языческого истукана под покрывалом. Несмотря на цинизм и прекрасное знание ближнего и вследствие этого отсутствие иллюзий, сидел в нем какой-то юношеский романтизм, на что ему неоднократно пенял Лео Добродеев, сам неисправимый романтик, готовый за первой попавшейся юбкой в огонь и воду. Причем за так, без всяких задних и далеко идущих мыслей. Скорее, чтобы покрасо-

ваться самому. Было в нем это – желание распустить хвост и прихвастнуть, безбожно привирая при этом.

Одним словом, два романтика. Один, полный любопытства исследователя – потрогать, разломать и посмотреть, что внутри; другой звенящий как колокольчик и получающий кайф от собственного звона. Сказать, что Лара понравилась ему как женщина, автор не может. Непохоже вроде. Монаху, наоборот, понравилась незатейливая Одри, с которой легко и просто. К сожалению, затейник-жиголо Яков Ребров...

Кстати, Речицкий называет его Яник! Они друзья детства, как оказалось.

Интересная комбинация, однако.

К сожалению, сегодня Яник позвал с собой в гости только Анфису, с которой у него... э-э-э... как сейчас говорят, отношения.

– Даже не знаю... – сказала Лара, не глядя на Монаха.

– Вот моя визитка, позвоните, когда надумаете, – не стал налегать Монах, протягивая ей карточку. – Готово? Давайте я отнесу! – Он деловито подхватил тарелки с закусками и понес из кухни.

– Спасибо! – сказала она ему вслед.

В прихожей Монах наткнулся на жиголо Яника, который скандалил с кем-то по мобильному телефону.

До Монаха донеслось: «Ты, дрянь, угрожаешь? Мне? Да я тебя размажу...»

Он осекся и замолчал при виде Монаха.

Тот, пробормотав «пардон», свернул в гостиную, где был встречен радостным ревом.

Багровый Добродеев травил очередной анекдот, Иван ржал, Анфиса взвизгивала, а Речицкий храпел на диване.

«Обстановочка», как сказал один одесский поэт.

Артур Ондрик и Кирилл, голова к голове, вполголоса что-то обсуждали.

«Втюхивает ему картину американца... как его? Марка Риттера», – подумал Монах, расставляя тарелки.

Похоже, вечер удался. Или все-таки суаре?

...Расходились шумно, с криками и смехом, и долго прощались на пороге, а потом на лестничной площадке.

В такси Добродеев сказал, что у него изжога и ему плохо, в смысле, может, «Скорую», а то долбанет к черту инфаркт и... амба!

– Не валяй дурака, – сказал Монах, – сейчас я тебе накапаю соды, все как рукой снимет.

Он затащил Добродеева к себе и щедро отсыпал в стакан с водой соды и размешал ложечкой.

Добродеев, морщась, выпил, после чего стал икать.

– Это хорошо, – заметил Монах. – Углекислый газ выходит. Только не напугай таксиста.

Он запер за приятелем дверь и отправился в ванную принять душ...

...Лара убирала со стола. Кирилл помогал и снисходительно обсуждал гостей – простоваты, провинциальны, рас-

сказывали дурацкие анекдоты.

– Яник с девочками – явно сутенер, журналист глуповат и громко орет, профессор-математик примитивен. Говорят, изображает из себя великого сыщика. Представляешь? Даже сайт завел, обещает звезды с неба. Только трубки не хватает. – Кирилл рассмеялся. – Речицкий – алкоголик и бузотер... ну, это мы уже поняли. Не особенно умен. Иван сказал по секрету, он страшно жалеет, что продал завод, кроме того, у него сдохла лошадь, и он с горя запил. – Кирилл рассмеялся. – Из всей компании один Артур вполне респектабелен. Я уговариваю его уступить «голубую женщину», но он пока ни в какую. Ну, я его дожду, ты меня знаешь. Я проверил в Интернете, Марк Риттер известный авангардист, после смерти цены на его картины подскочили чуть ли не вдвое. Артуру повезло. В доме должны быть произведения искусства, подлинники, это придает шарм и изюминку и говорит о статусе. Я торгую «женщину», но он заломил за нее... даже страшно сказать.

Лара внимала молча, старательно вытирая тарелки...

Потом Кирилл ушел в ванную, а Лара уселась на диван, обняла подушку и закрыла глаза.

Перед глазами мельтешили лица гостей. Кирилл спешит завести знакомства и вписаться в местное общество, ему нравится чувствовать себя на голову выше окружающих. С заводом ему повезло, а теперь еще оказывается, Речицкий жалеет о продаже. Причина для радости, однако. И лошадь

сдохла.

Она вздрогнула от звуков «Венского вальса».

Айфон! Номер незнакомый.

Помедлив, она произнесла:

– Алло!

Невнятный мужской голос сказал: «Снимаю шляпу...» – и еще какие слова, которых она не разобрала.

– Вы ошиблись, – отчеканила Лара и отключилась.

Сидела неподвижно, сжимая в руке плоский серебряный аппаратик...

Глава 9

Письмо

Человек вошел в полутемный подъезд, автоматически, не глядя, отпер почтовый ящик и с удивлением вытащил два письма, одно обычное, другое в большом желтом конверте. Обычно там были только счета, кто сейчас пишет письма!

Подойдя к свету, он рассмотрел обратный адрес на первом и чертыхнулся, подавив желание отшвырнуть его. На втором обратного адреса не было.

Озадаченный, он повертел в руках конверт и стал подниматься к себе на третий этаж.

Холодильник был пуст, на нижней полке сиротливо торчала жестянка лосося в яблочном соусе.

Он снова чертыхнулся. Достал жестянку, вскрыл ножом и стал есть стоя. Взгляд его упал на собственное отражение в темном оконном стекле, и он замер. Хорош! В одной руке банка, в другой нож.

Ему пришло в голову, что это его естественный облик, без прикрас, здесь и сейчас он таков, как есть. Жлоб, жрущий из жестянки! Причем ножом.

...Он швырнул конверт на письменный стол, сел в кресло; включил компьютер. Просмотрел новости; выключил компьютер.

Сидел и смотрел на конверт, чувствуя исходящую от него угрозу. Взял его и потянулся за ножницами, аккуратно срезал полоску вдоль конверта, заглянул внутрь и достал пинцетом плотный лист бумаги.

Уставился, оторопев, не веря глазам... Что за глупая штука?

...Глубокая ночь, тишина. Спит дом, спит город. Иногда под окнами проедет автомобиль, и снова наступает тишина.

Человек все еще сидит за письменным столом и рассматривает цветной постер.

Там изображен человек, полулежащий в ванне. Человек мертв, заколот ножом. Мучительная поза, склоненная голова.

Жак Луи Давид «Смерь Марата».

На лицо мертвого человека наклеено лицо хозяина кабинета, вырезанное из фотографии. И получается, что убитый в ванне – не Марат, а он сам.

Отвратительное зрелище. Причем он улыбается и смотрит на зрителя, что создает тошнотворный диссонанс с мучительно изогнутым телом...

Человек сжимает кулаки, чувствуя, как накатывает приступ бешенства; он скалит зубы и смотрит, смотрит, бормоча ругательства. Он не может отвести взгляд от улыбающегося лица мертвеца в ванне, своего собственного...

Не в состоянии удержаться, резким движением руки он смахивает со стола постер, чернильный набор, блокнот, се-

ребряный стакан с карандашами.

Все с грохотом летит на пол. Картинка неторопливо планирует в воздухе и тоже опускается на пол.

Мертвый человек в ванне с лицом хозяина кабинета улыбается, глядя на хозяина кабинета...

Глава 10

Дождь в парке

*...Всю неделю
Скучной серою стеной
Сеет, сеет, как сквозь сито,
Серый дождик затяжной...*

С. Козлов. «Серый дождик затяжной»

Лара и Кирилл завтракали в кухне. Мюсли и кофе.

– Хочешь, пообедаем вместе? В пиццерии «Паста-баста».

Леночка говорит, там классные десерты. Вам, девушкам, главное десерты! – Кирилл рассмеялся. – Знаешь, где это?

Леночка – секретарша Кирилла.

Лара покачала головой:

– Я плохо знаю город. То ремонт, то мебель...

– Надо будет устроить тебе экскурсию. Это на площади, слева от театра. У входа стоит пианино...

– Настоящее? – удивилась Лара.

– Настоящее! Облезшее, старое, но, знаешь, что-то в этом есть. Какое-то ощущение подлинности, красивое ретро. В два часа. Нормально?

Лара кивнула.

– Ларка, ты у меня красавица, – вдруг сказал Кирилл. –

Мужики все глаза обломали.

Он взял руку жены, прижал к губам.

Лара сглотнула и попыталась улыбнуться:

– Не выдумывай!

– Пошли! – Кирилл стремительно поднялся из-за стола, не выпуская ее руки.

– Кирилл, ты опоздаешь! – Лара попыталась его образумить.

– К черту! Подождут! – Он обогнул стол, притянул ее к себе; Лара закрыла глаза. – Пошли!

...– Поспи еще! – Кирилл одевался. – Погода паршивая, дождь. Но только утром, а потом обещали солнце. В два встречаемся в ресторане с пианино. – Кирилл наклонился и поцеловал Лару. – До встречи, моя девочка!

Лара попыталась улыбнуться; она смотрела на Кирилла, в который раз думая, что он очень красив. Хорошие черты лица, хорошая улыбка, фигура атлета. Потом отвела взгляд и спросила себя: почему? Что ей нужно? Чего не хватает? Умные люди говорят, что любовь – роскошь, вроде... «Бентли», достаточно легкой приязни, какой-нибудь «Субару» или «Тойоты». Любовь вроде жернова, привязанного к ногам, – ни шагу в сторону. Тяжелое мрачное чувство... А ревность!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.